A 226/498

Д 226
498

ОТЧЕТЫ

по судебнымъ дѣламъ о нижнихъ чинахъ С.-Петербургской Бригады Пограничной Стражи, привлекавшихся къ тяжкой уголовной отвѣтственности за употребленіе оружія противъ нападавшей на нихъ многочисленной толпы вооруженныхъ пограничныхъ жителей.

Печатано по распоряженію Управленія Отдѣльнаго Корпуса Пограничной Стражи.

2007097001

Типографія Морскаго Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.

А 226/498

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

стран.

1. Засѣданіе временнаго военнаго суда въ г. Петрозаводскѣ по дѣлу о ефрейторѣ С.-Петербургской Бригады Пограничной Стражи Ѳеодорѣ *Евстратовѣ*, обвинявшемся въ убійствѣ приграничнаго жителя крестьянина Богданова 1

II.

2. Засѣданіе временнаго военнаго суда въ г. Петрозаводскѣ по дѣлу о старшемъ вахмистрѣ С.-Петербургской Бригады пограничной стражи Германѣ *Мусоровѣ*, обвинявшемся въ убійствѣ двухъ приграничныхъ жителей 20
3. Разсмотрѣніе того же дѣла о вахмистрѣ Германѣ *Мусоровѣ* въ Главномъ Военномъ Судѣ по протесту помощника военнаго прокурора на оправдательный приговоръ временнаго военнаго суда въ г. Петрозаводскѣ 22
4. Вторичное разсмотрѣніе того-же дѣла о вахмистрѣ Германѣ *Мусоровѣ* въ С.-Петербургскомъ военно-окружномъ Судѣ (*) 29

(*) Защита подсудимыхъ въ означенныхъ дѣлахъ была возложена г. Министромъ Финансовъ на состоявшаго въ то время при Д-тѣ Таможенныхъ Сборовъ, бывшаго помощника военнаго прокурора полковника *Щербакова*. Въ цѣломъ же рядѣ подобнаго рода дѣлъ, возникавшихъ въ остальныхъ бригадахъ преимущественно на западной и южной сухопутной границахъ, не представлялось возможности командировать для той же цѣли названнаго штабъ-офицера, въ виду большихъ расходовъ, сопряженныхъ съ подобными командировками, а потому подсудимые всегда оставались безъ компетентной защиты и въ большинствѣ случаевъ подвергались осужденіямъ.

ОТЧЕТЫ

I

о судебномъ засѣданіи Временнаго Военнаго Суда въ г. Петрозаводскѣ 19-го марта 1881 года по дѣлу о ефрейторѣ С.-Петербургской Бригады Пограничной Стражи Ѳеодорѣ Евстратовѣ, обвиняемомъ въ убійствѣ приграничнаго жителя, крестьянина Богданова.

19-го Марта 1881 года въ открытомъ судебномъ засѣданіи временнаго военнаго суда, въ г. Петрозаводскѣ, при многочисленномъ стеченіи публики, разсматривалось весьма интересное съ точки зрѣнія военно-пограничнаго надзора дѣло о ефрейторѣ С.-Петербургской Бригады Пограничной Стражи Ѳеодорѣ Евстратовѣ, преданномъ военному суду по обвиненію въ убійствѣ крестьянина Богданова.

Въ $12^1/_2$ часовъ по полудни военный судъ открылъ свое засѣданіе въ слѣдующемъ составѣ:

Предсѣдательствующій военный судья.

1) Генералъ-маіоръ *Врубель*.

Временные члены, состоящіе по армейской пѣхотѣ:

2) Полковникъ *Осколковъ*.
3) Полковникъ *Кобызевъ*.

Петрозаводскаго мѣстнаго баталіона:

4) Капитанъ *Огородниковъ*.
5) Штабсъ-капитанъ *Ѳеодоровъ*.
6) Штабсъ-капитанъ *Бетхеръ*.
7) Штабсъ-капитанъ *Северьяновъ*.

При участіи исправлявшаго секретарскія обязанности коллежскаго секретаря *Магульдовича*.

Обвинялъ помощникъ военнаго прокурора надворный совѣтникъ *Луполовъ*.

Защита подсудимаго Евстратова была возложена Директоромъ Департамента Таможенныхъ Сборовъ, Тайнымъ Совѣтникомъ Качаловымъ, на прикомандированнаго къ Департаменту Пограничной Стражи *полковника Щербакова, который съ этою цѣлью и прибылъ въ г. Петрозаводскъ*.

Подсудимый ефрейторъ Евстратовъ, содержавшійся по постановленію судебнаго слѣдователя въ тюрьмѣ свыше шести мѣсяцевъ, былъ введенъ въ залу засѣданія подъ охраною стражи.

На обычные формальные вопросы предсѣдателя, предложенные, на основаніи 739 ст. Воен. Суд. Устава, подсудимый отвѣчалъ: что его зовутъ Ѳеодоромъ Евстратовымъ, что онъ состоитъ на службѣ въ С.-Петербургской бригадѣ Пограничной Стражи, и какъ ефрейторъ, числится старшимъ на Тулокскомъ посту, что онъ 26 лѣтъ отъ роду, православнаго вѣроисповѣданія, изъ крестьянъ Новгородской губерніи, въ службѣ съ 1876 года, и копію съ обвинительнаго акта получилъ. Затѣмъ г. защитникъ обратился къ суду съ просьбою обратить вниманіе на то весьма существенное обстоятельство, что Евстратовъ во время шестимѣсячнаго предварительнаго заключенія подъ стражею въ тюрьмѣ оглохъ на лѣвое ухо. Вслѣдствіе сего заявленія предсѣдатель предоставилъ подсудимому право всякій разъ просить судъ, чтобы свидѣтельскія показанія были ему повторены, если онъ таковыя показанія въ чемъ либо не разслышитъ. По прочтеніи секретаремъ списка вызывавшихся въ судъ свидѣтелей и по провѣркѣ онаго оказалось, что изъ числа 17 человѣкъ не прибыли двое приграничныхъ жителей, а именно крестьяне: Фокинъ и Кутузовъ, причемъ относительно сихъ двухъ свидѣтелей судомъ были получены свѣдѣнія, что они не могли прибыть: одинъ—по болѣзни, а другой—по неотысканію мѣстожительства. На основаніи сихъ свѣдѣній прокуроръ далъ заключеніе, что причину неявки означенныхъ свидѣтелей, согласно 4 п. 528 и 2 п. 743 ст. Воен. Суд. Уст., слѣдуетъ признать законною, и что судебное слѣдствіе можетъ быть произведено и въ отсутствіе ихъ, съ каковымъ заключеніемъ согласился и защитникъ подсудимаго Евстратова.

Послѣ сего, по предложенію предсѣдателя, секретарь прочелъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

«23-го Августа 1880 года Олонецкое Полицейское Управленіе отношеніемъ за № 3690, сообщило Судебному Слѣдователю, что того числа въ 10 часовъ вечера стражникъ Евстратовъ заявилъ Полицейскому Управленію, что наканунѣ около 6 часовъ по полудни у крестьянина дер. Рябоды, Константина Яковлева, на противоположной сторонѣ рѣки Тулоксы, противъ кордона, загорѣлась баня. На пожаръ этотъ съ кордона побѣжалъ стражникъ Иванъ Короваевъ, на котораго безъ всякаго повода съ его стороны, бросилась толпа бывшихъ на пожарѣ крестьянъ. Услыхавъ крикъ Короваева онъ, Евстратовъ, бросился къ нему на помощь, захвативъ съ собою заряженное ружье. Видя, что Короваева бьютъ, онъ просилъ крестьянъ разойтись, но тѣ его не слушали, продолжая наносить Короваеву побои. Тогда онъ, Евстратовъ, чтобы спасти Короваева, сдѣлалъ по воздуху 4 выстрѣла и, когда Короваевъ въ суматохѣ успѣлъ вырваться отъ нападавшихъ, побѣжалъ съ нимъ къ кордону, то за ними послѣдовала и толпа, при чемъ во время означеннаго бѣгства изъ толпы былъ сдѣланъ по нимъ выстрѣлъ дробью, попавшій въ стѣну кордона. На этотъ выстрѣлъ онъ, Евстратовъ, отвѣтилъ у крыльца кордона тоже выстрѣломъ, убившимъ, какъ оказалось впослѣдствіи, крестьянина Тараса Богданова.

По показаніямъ же большинства крестьянъ, бывшихъ на пожарѣ, стражники Евстратовъ и Короваевъ были пьяны и по окончаніи пожара продолжали требовать отъ крестьянъ, чтобы тѣ тушили пожаръ, при чемъ Евстратовъ размахивалъ во всѣ стороны бывшимъ у него ружьемъ со штыкомъ,

послѣ чего, сбѣгалъ къ себѣ въ помѣщеніе, вернулся уже съ револьверомъ и произвелъ нѣсколько выстрѣловъ, но, какъ пьяный, ни въ кого не попалъ. Затѣмъ, когда народъ разбѣжался, Евстратовъ ушелъ домой, откуда вышелъ уже съ ружьемъ и сталъ опять стрѣлять въ народъ, стоявшій около дома крестьянина Михайлова, а Короваевъ стрѣлялъ изъ окна; при этомъ однимъ изъ выстрѣловъ и былъ убитъ крестьянинъ Богдановъ. Изъ крестьянъ же ни кто не стрѣлялъ и ни у кого изъ нихъ ружья съ собою не было, и выстрѣлъ въ стѣну казармы, по мнѣнію крестьянина Яковлева, сдѣланъ, вѣроятно, послѣ того какъ былъ убитъ Богдановъ.

Изъ актовъ осмотра мѣстности и освидѣтельствованія убитаго видно, что трупъ крестьянина Тараса Богданова найденъ былъ въ 26 саженяхъ отъ дома, занимаемаго кордономъ пограничной стражи—что смерть Богданову причинена была огнестрѣльной пулевой раной и что выстрѣлъ, которымъ былъ убитъ Богдановъ, произведенъ былъ на значительномъ отъ него разстояніи.

Привлеченный вслѣдствіе сего въ качествѣ обвиняемаго ефрейторъ Евстратовъ далъ показаніе совершенно согласное съ приведеннымъ выше объясненіемъ его, при чемъ присовокупилъ, что когда Короваевъ успѣлъ вырваться отъ толпы, и онъ съ нимъ побѣжалъ, то преслѣдовавшая ихъ толпа бросала въ нихъ кольями и полѣньями. Когда же они были у самаго крыльца казармы, то со стороны крестьянъ раздался выстрѣлъ, на что онъ обернулся и выстрѣлилъ въ толпу. — Стрѣляя онъ не цѣлился и сдѣлалъ это сгоряча, хотя и зналъ, что можетъ убить кого нибудь. Къ сему обвиняемый показалъ, что онъ былъ совершенно трезвъ.

Согласно съ обвиняемымъ показали и стражники Короваевъ и Коробовъ, при чемъ по словамъ Короваева выстрѣлъ изъ толпы крестьянъ послѣдовалъ въ то время, когда онъ съ Евстратовымъ входили уже въ сѣни занимаемаго ими дома.

Такимъ образомъ, въ виду противорѣчія между показаніями крестьянъ съ одной стороны, и стражниковъ съ другой установить съ точностью, былъ-ли сдѣланъ со стороны крестьянъ выстрѣлъ, не представляется возможнымъ, но въ пользу этого предположенія имѣется на стѣнѣ дома, занимаемаго кордономъ, свѣжій слѣдъ выстрѣла дробью.

Но если даже допустить, что такой выстрѣлъ былъ сдѣланъ, то и въ такомъ случаѣ, въ виду объясненій самого обвиняемаго и стражниковъ Короваева и Коробова, а также того обстоятельства, что Богдановъ, какъ это удостовѣряется протоколомъ осмотра мѣстности, былъ убитъ на разстояніи 26 сажень отъ дома, въ которомъ помѣщается казарма, слѣдуетъ *признать, что обвиняемый не былъ въ положеніи необходимой обороны.*

Ефрейторъ Евстратовъ, 26 лѣтъ, изъ крестьянъ Новгородской губерніи, въ службѣ съ 1876 года, подъ судомъ не былъ.

На основаніи изложеннаго, ефрейторъ Евстратовъ обвиняется въ томъ, что 22 Августа 1880 г., когда во время ссоры, возникшей на бывшемъ тогда за рѣкой пожарѣ между имъ и стражникомъ Короваевымъ съ одной стороны и крестьянами съ другой, онъ съ Короваевымъ уходили домой, а крестьяне преслѣдовали ихъ, причемъ со стороны послѣднихъ, неизвѣстно кѣмъ, былъ сдѣланъ по нимъ выстрѣлъ, то онъ, находясь уже въ дверяхъ казармы и такимъ образомъ внѣ опасности, произвелъ въ толпу, находившуюся отъ нихъ въ разстояніи 26 саженъ, выстрѣлъ, хотя и безъ намѣренія причинить кому либо смерть, но съ знаніемъ послѣдствій онаго, и выстрѣломъ этимъ убилъ крестьянина Богданова». Преступленіе это предусмотрѣно 1458 ст. Уложенія о наказаніяхъ Уголови. и Исправит. Изд. 1886 года (*).

(*) Въ 1458 ст. Улож. о Наказ. сказано слѣдующее:

Кто, зная и предвидя, что отъ предпринимаемаго имъ какого либо противозаконнаго дѣйствія, другое лицо или нѣсколько лицъ должны подвергнуться опасности, не смотря на то,

По прочтеніи обвинительнаго акта предсѣдатель суда, повторивъ обвиненіе, выведенное въ обвинительномъ актѣ противъ подсудимаго Евстратова, обратился къ сему послѣднему съ вопросомъ: «признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ означенномъ преступленіи?» на что Евстратовъ, твердо и увѣренно, отвѣтилъ: *«что виновнымъ себя не признаетъ»*. Вслѣдствіе сего предсѣдатель объявилъ, что за несознаніемъ подсудимаго судъ перейдетъ къ повѣркѣ доказательствъ:

По вводѣ всѣхъ свидѣтелей г. прокуроръ обратился къ суду съ заявленіемъ, что по настоящему дѣлу не представляется никакой необходимости приводить свидѣтелей къ присягѣ, такъ какъ изъ дѣла видно, что всѣ они были приведены къ присягѣ еще при предварительномъ слѣдствіи. По провѣркѣ сего заявленія предсѣдатель напомнилъ, свидѣтелямъ, что такъ какъ они уже принимали присягу, то и обязаны показывать все по сущей правдѣ и что за ложныя показанія подъ присягою они могутъ быть подвергнуты тяжкой уголовной отвѣтственности.

Послѣ сего предсѣдатель суда приказалъ всѣмъ свидѣтелямъ, за исключеніемъ стражника Короваева,—удалиться въ особую комнату и распорядился чрезъ караульнаго офицера, чтобы за недопрошенными свидѣтелями имѣлось самое строгое наблюденіе и чтобы они ни съ кѣмъ въ разговоръ не вступали. Затѣмъ, оставленный въ судѣ свидѣтель стражникъ *Короваевъ* разсказалъ слѣдующее: 22 августа 1880 года какъ только у крестьянъ напротивъ кордона загорѣлась баня, Евстратовъ послалъ его помогать тушить пожаръ и когда онъ, Короваевъ, по прибытіи на мѣсто сталъ требовать, чтобы крестьяне носили воду, то толпа бросилась на него и начала бить; при чемъ на крикъ его: «караулъ, помогите», прибѣжалъ Евстратовъ съ ружьемъ и сталъ сначала увѣщевать толпу, чтобы она не била Короваева. Когда же толпа бросилась и на Евстратова съ баграми, кольями и полѣньями, то Евстратовъ, чтобы испугать крестьянъ, сперва сдѣлалъ 4 выстрѣла вверхъ, а затѣмъ впослѣдствіи 5 выстрѣломъ, произведеннымъ въ нападавшую на нихъ толпу около кордона, убилъ крестьянина *Богданова*.

На вопросы прокурора, Короваевъ отвѣчалъ: что крестьянская баня находится отъ кордона въ недалекомъ разстояніи, не болѣе какъ сто шаговъ и что Евстратовъ около бани сдѣлалъ 4 выстрѣла изъ ружья въ воздухъ. Затѣмъ, когда они оба, желая спастись отъ освирѣпѣвшей толпы, бросились бѣжать къ кордону, а толпа крестьянъ человѣкъ окола ста, вооруженная баграми, кольями, погналась за ними и кто-то изъ этой толпы выстрѣлилъ по нимъ, то Евстратовъ, не успѣвъ еще вбѣжать въ кордонъ, остановился у крыльца, обернулся и произвелъ въ нападавшихъ 5 выстрѣлъ изъ ружья, которымъ и убилъ крестьянина Богданова. На замѣчаніе прокурора, что въ показаніи свидѣтеля встрѣчается противорѣчіе, а именно, что при предварительномъ слѣдствіи свидѣтель показывалъ, что Евстратовъ стрѣлялъ уже при входѣ въ кордонъ и именно изъ сѣней кордона,—Короваевъ под-

---

исполнитъ преднамѣренное, и, хотя безъ прямаго умысла учинить убійство, лишитъ кого-либо жизни, тотъ, смотря по роду и важности самаго противозаконнаго дѣянія его, а равно и по роду и по большей или меньшей опасности, которую виновный не могъ не предвидѣть, и другимъ обстоятельствамъ дѣла, подвергается за сіе:

лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на время отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ, или въ рудникахъ на время отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ.

твердилъ свое послѣднее показаніе и удостовѣрилъ, что Евстратовъ до пятаго выстрѣла въ кордонъ не входилъ.

На вопросы защитника не было ли какой-либо побудительной причины къ тому, что крестьяне начали его бить на пожарѣ, Короваевъ отвѣтилъ, что крестьяне имѣли на него злобу и когда защитникъ попросилъ свидѣтеля разсказать, за что именно крестьяне возъимѣли эту злобу, то Короваевъ разсказалъ слѣдующее: Въ то время было отдано строжайшее секретное приказаніе осматривать всѣ лодки, приходящія по Ладожскому озеру изъ Финляндіи. За недѣлю до убійства крестьянина Богданова, какъ-то ночью, онъ услыхалъ, что на рѣчкѣ Тулоксѣ, въ верстѣ отъ кордона, тихо причалила къ берегу финляндская сойма. Подошедши незамѣтно и вскочивши неожиданно въ самую сойму, онъ объявилъ крестьянамъ, что долженъ произвести осмотръ, но въ это время ему нанесъ кто-то изъ крестьянъ такой сильный ударъ дубиной въ голову, что онъ закричалъ и упалъ почти безъ чувствъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ однако ощутилъ еще четыре удара, при чемъ его выбросили изъ соймы, которая оставшись недосмотрѣнною, отчалила отъ берега и выгрузилась неизвѣстно гдѣ. Вслѣдствіе этихъ ушибовъ, онъ, Короваевъ, былъ въ Олонецкой земской больницѣ на излѣченіи три дня. За это же самое крестьяне, питая противъ него злобу, бросились на него и 22 Августа въ то время, когда онъ прибѣжалъ къ нимъ на помощь тушить пожаръ. Затѣмъ на слѣдующіе вопросы защитника Короваевъ показалъ: 1) что между вызванными свидѣтелями, принимавшими участіе въ нанесеніи ему побоевъ нѣтъ крестьянина Халатова, который болѣе всего подстрекалъ толпу бить его и подсудимаго Евстратова; 2) что до убійства крестьянина Богданова у нихъ на кордонѣ было всего 8 боевыхъ патроновъ отъ ружья Крынка, изъ коихъ Евстратовъ израсходовалъ штукъ 5; 3) что на кордонѣ ни у кого охотничьяго ружья не было; 4) что Евстратовъ прибѣжалъ къ нему на помощь въ мундирѣ и фуражкѣ съ ружьемъ въ рукахъ, при чемъ револьвера у него не было.

На вопросъ, предложенный предсѣдателемъ подсудимому, не имѣетъ ли онъ что возразить,—Евстратовъ призналъ показаніе свидѣтеля Короваева вполнѣ правильнымъ, добавивъ только, что выстрѣлы, произведенные имъ вверхъ служили не къ тому, чтобы произвести тревогу, какъ это часто дѣлается въ Пограничной стражѣ, а съ цѣлью устрашить крестьянъ и высвободить изъ ихъ рукъ Короваева, котораго они иначе навѣрное бы убили за то, что онъ хотѣлъ осмотрѣть финляндскую сойму.

Затѣмъ остальные свидѣтели дали слѣдующія показанія:

Стражникъ *Коробовъ* на вопросы прокурора показалъ: 22 Августа Евстратовъ послалъ Короваева къ крестьянамъ помочь имъ затушить загорѣвшуюся баню, гдѣ Короваевъ и оставался около часу. Когда же на крикъ Короваева выбѣжалъ съ ружьемъ Евстратовъ, то онъ былъ въ кордонѣ и выбѣжалъ самъ лишь на выстрѣлы Евстратова, но чрезъ мостъ не переходилъ и за мостомъ не былъ, а видѣлъ какъ Евстратовъ и Короваевъ бѣжали назадъ къ кордону и какъ ихъ преслѣдовала толпа крестьянъ человѣкъ до ста, вооруженная баграми и кольями. Евстратова никто изъ мужиковъ въ это время не билъ; они только гнались за нимъ. Одежда на Евстратовѣ была цѣла. На вопросы защитника Коробовъ подтвердилъ показанія предыдущаго свидѣтеля Короваева, т. е., что до убійства крестьянина Богданова у нихъ на

кордонѣ было всего 8 боевыхъ патроновъ отъ ружья Крынка, изъ коихъ послѣ происшествія осталось три штуки,—затѣмъ, что на кордонѣ вовсе не имѣлось охотничьяго ружья и, наконецъ, что Евстратовъ побѣжалъ на помощь къ Короваеву не съ револьверомъ, а съ ружьемъ и былъ одѣтъ въ мундиръ и имѣлъ на головѣ фуражку. Въ заключеніе Коробовъ присовокупилъ, что Евстратовъ вслѣдъ за убійствомъ крестьянина Богданова приказалъ ему встать на часы къ мертвому тѣлу съ револьверомъ вахмистра Мусорова, при чемъ онъ, Коробовъ, легко могъ самъ потерять револьверные патроны, находившіеся въ патронташѣ.

Младшій вахмистръ *Мусоровъ* показалъ, что его, свидѣтеля, во время самаго происшествія на кордонѣ не было, такъ какъ онъ былъ въ это время въ разъѣздѣ, но возвратившись вскорѣ онъ узналъ о случившемся въ его отсутствіи. Людей на посту онъ нашелъ всѣхъ трезвыми. Въ стѣнѣ кордона остался слѣдъ отъ выстрѣла дробью. Два стекла въ окнѣ были разбиты и около этого окна лежала дубина. Свидѣтель немедленно же осмотрѣлъ оставленный имъ револьверъ, при чемъ въ револьверѣ слѣдовъ выстрѣла не нашелъ, хотя двухъ револьверныхъ патроновъ не хватало. Изъ ружья же стрѣляли и при повѣркѣ имъ наличнаго числа патроновъ оказалось, что всѣхъ выстрѣловъ изъ ружья произведено пять.

На вопросъ г. прокурора, сколько было всего патроновъ у нижнихъ чиновъ, Мусоровъ отвѣтилъ, что на каждомъ посту было выдано по 8 ружейныхъ патроновъ.

На вопросы *защитника* вахмистръ Мусоровъ показалъ, что при отъѣздѣ онъ не удостовѣрился, сколько было патроновъ въ патронташѣ и вслѣдствіе сего допускаетъ возможность, что онъ самъ могъ ихъ потерять. Затѣмъ Мусоровъ показалъ, что незадолго передъ симъ происшествіемъ у нихъ въ стражѣ было отдано строжайшее секретное приказаніе тщательно осматривать всѣ приходящія изъ Финляндіи лодки. Наконецъ, когда защитникъ предложилъ свидѣтелю Мусорову вопросъ, были ли наказаны крестьяне за вооруженное нападеніе на нижнихъ чиновъ Тулокскаго поста, и когда Мусоровъ отвѣтилъ на это отрицательно, то прокуроръ обратился къ предсѣдателю съ просьбою не позволять господину защитнику выходить изъ предѣловъ его защиты и вторгаться въ предѣлы обвинительной власти.

На заявленіе прокурора г-нъ защитникъ обратился къ суду съ слѣдующимъ возраженіемъ: Гг. судьи! На основаніи 244 ст. Воен. Суд. Уст. военнымъ судамъ подсудны дѣла не только о воинскихъ чинахъ арміи, но и о чинахъ Пограничной Стражи, спеціальная служба коихъ представляетъ массу своеобразныхъ бытовыхъ условій и особенностей. Имѣя въ виду, что Пограничная Стража признается, на практикѣ, находящеюся при постоянномъ отправленіи обязанностей караульной службы и что всякое нападеніе на чиновъ стражи, согласно 375 ст. Уст. Тамож. не можетъ пройти безнаказанно для лицъ нападавшихъ, я считаю своею нравственною обязанностью обращать вниманіе суда на всякое обстоятельство, на всякое спеціальное требованіе Таможеннаго Устава, надѣясь тѣмъ самымъ только облегчить суду возможность разрѣшить настоящее дѣло, согласно съ дѣйствительными требованіями истины и справедливости и отнюдь не думаю вторгаться въ предѣлы обвинительной власти, какъ полагаетъ это г-нъ прокуроръ.

Показанія остальныхъ 12 человѣкъ свидѣтелей изъ приграничныхъ

крестьянъ, а именно: *Ишукова, Тужкина, Гайдукова, Константина Яковлева, Василія Яковлева, Михаила Михайлова, Макарова, Петра Михайлова, Вешки, Гаврилова, Афонасьева, Филипова* въ своихъ существенныхъ частяхъ сводятся къ тому, что они удостовѣрили:

1) На вопросы г. прокурора, что 22 Августа, уже по окончаніи пожара, къ нимъ прибѣжали совершенно пьяные сперва стражникъ Коровасвъ, а за нимъ и стражникъ Евстратовъ, причемъ послѣдній былъ съ ружьемъ въ рукахъ, въ одной рубашкѣ и безъ шапки и оба начали къ нимъ приставать и требовать, чтобы они носили воду въ то время, когда пожаръ уже былъ совершенно потушенъ. Затѣмъ Евстратовъ побѣжалъ въ кордонъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся обратно съ пистолетомъ и началъ стрѣлять въ толпу крестьянъ, но, какъ пьяный, ни въ кого не могъ попасть, а когда они хотѣли его схватить, то онъ снова побѣжалъ въ кордонъ и затѣмъ изъ окна кордона началъ стрѣлять въ толпу, находившуюся отъ кордона на разстояніи 26 саженъ и однимъ изъ выстрѣловъ убилъ крестьянина Богданова.

2) На дополнительные же вопросы г. защитника, какого цвѣта была рубаха на Евстратовѣ, означенные свидѣтели показали: Константинъ Яковлевъ,—что Евстратовъ прибѣжалъ въ красной рубахѣ; Василій Яковлевъ,—что Евстратовъ былъ въ розовой рубахѣ; Петръ Михайловъ,—что на Евстратовѣ была бѣлая рубаха, а остальные затѣмъ свидѣтели отозвались, что они цвѣта рубахи не помнятъ. Затѣмъ на предложенные защитникомъ вопросы, сколько выстрѣловъ изъ револьвера и ружья произвелъ Евстратовъ, свидѣтели дали слѣдующіе отвѣты: *Тужкинъ*,—изъ револьвера 2, изъ ружья 2,—всего 4; *Гайдуковъ*,—изъ револьвера 2, изъ ружья 3,—всего 5, *Константинъ Яковлевъ*,—изъ револьвера 2, изъ ружья не видѣлъ и не слыхалъ; *Василій Яковлевъ*, изъ револьвера 3, изъ ружья не видѣлъ и не слыхалъ; *Петръ Михайловъ*,—изъ револьвера 3, изъ ружья 3,—всего 6; *Вешкинъ*,—изъ револьвера 2, изъ ружья 3,—всего 5; *Гавриловъ*,—всего слыхалъ 6 выстрѣловъ, но не знаетъ изъ какого оружія; *Афонасьевъ*,—изъ револьвера 3, изъ ружья 2,—всего 5; *Филиповъ*,—изъ револьвера 3, изъ ружья 2,—всего 5; *Макаровъ* и *Ишуковъ* не были на мѣстѣ происшествія и, наконецъ, *Михаилъ Яковлевъ*,—изъ револьвера 2, изъ ружья 3, а всего (по непонятному вычисленію) 9.

По окончаніи допроса свидѣтелей г-нъ защитникъ просилъ прочесть на основаніи 756 ст. Воен. Суд. Уст. протоколъ осмотра слѣдовъ выстрѣла дроби, оставшихся въ стѣнѣ кордона, причемъ изъ прочитаннаго протокола обнаружилось, что дробь была разбросана въ діаметрѣ $^1/_2$ аршина. По прочтеніи протокола защитникъ просилъ, чтобы гг. судьи обратили особенное вниманіе на приложенный чертежъ и мысленно представили себѣ линію выстрѣла съ крыльца кордона, откуда Евстратовъ стрѣлялъ, къ тому пункту, гдѣ упалъ крестьянинъ Богдановъ, такъ какъ обстоятельство это имѣетъ существенное значеніе для защиты.

Затѣмъ предсѣдатель объявилъ судебное слѣдствіе оконченнымъ и предложилъ г-ну прокурору произнести обвинительную рѣчь.

Г. прокуроръ, надворный совѣтникъ Луповъ. Гг. судьи! Настоящее дѣло, по тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ сопровождалось это дѣло, имѣетъ спеціальный характеръ. Лицо, обвиняемое въ преступленіи, принадлежитъ къ особой группѣ лицъ, имѣющихъ, конечно, нѣкоторыя права къ частнымъ лицамъ. Для уясненія этого дѣла обратимъ прежде

всего вниманіе на положеніе, въ которомъ находилась команда кордона и соприкосновенный къ этому дѣлу подсудимый Евстратовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что крестьянинъ Богдановъ былъ убитъ пулею, пущенною изъ ружья подсудимымъ, когда онъ находился у самаго крыльца кордона. Стало быть, вопросъ заключается только въ томъ, подлежитъ-ли Евстратовъ за это отвѣтственности или нѣтъ?

Изъ положенія, въ которомъ находился Евстратовъ и которое на судебномъ слѣдствіи достаточно выяснено, оказывается, что подсудимый не былъ вынужденъ обороняться, а слѣдовательно и не былъ вынужденъ прибѣгать къ мѣрамъ, указаннымъ въ 101 ст. Улож. о Наказ., въ коей сказано слѣдующее: «При необходимой личной оборонѣ, употребленіе силы и какихъ бы то ни было мѣръ для отраженія нападенія, равно и нанесеніе притомъ нападающему ранъ, увѣчья, и самой смерти, не вмѣняется въ вину, когда отъ нападенія, при невозможности прибѣгнуть къ защитѣ мѣстнаго или ближайшаго начальства, дѣйствительно подвергалась опасности жизнь, здоровье или свобода обороняющагося, или же нападеніе сдѣлано воромъ или разбойникомъ, или нападающій вторгнулся съ насиліемъ въ жительство оборонявшагося. Необходимость обороны признается также и въ случаѣ, когда застигнутый, при похищеніи или поврежденіи какого либо имущества, преступникъ силою противился своему задержанію или прекращенію начатаго имъ похищенія или поврежденія. При семъ, однакожъ, постановляется общимъ правиломъ: 1) что въ каждомъ изъ вышеозначенныхъ случаевъ оборонявшійся обязанъ о всѣхъ обстоятельствахъ и послѣдствіяхъ своей необходимой обороны немедленно объявить сосѣднимъ жителямъ, а при первой возможности и ближайшему начальству; 2) что всякій напрасный, сдѣланный нападающему послѣ уже отвращенія грозившей опасности, вредъ признается злоупотребленіемъ обороны и виновный въ томъ долженъ быть подвергнутъ наказанію, которое опредѣляется по мѣрѣ причиненнаго имъ вреда, по роду побужденія, коему онъ слѣдовалъ и другимъ обстоятельствамъ дѣла». Вотъ законъ, когда именно допускается необходимо оборона. Въ законѣ этомъ указаны и тѣ случаи, когда дозволено отражать силу силою. Если обратить вниманіе на тѣ обстоятельства, которыя выяснились здѣсь на судебномъ слѣдствіи, то оказывается слѣдующее: по близости кордона находилась баня, которая 22 Августа загорѣлась. На пожаръ прибѣжали крестьяне, а немного спустя прибѣжалъ съ кордона и рядовой Короваевъ, съ цѣлью помогать крестьянамъ тушить пожаръ, причемъ, какъ видно изъ показанія Короваева, онъ явился вслѣдствіе приказанія своего начальника, ефрейтора Евстратова. Затѣмъ, обстоятельства дѣла выясняются не совсѣмъ ясно, если одновременно основываться на показаніяхъ нижнихъ чиновъ и на показаніяхъ крестьянъ. Нижніе чины показываютъ о ссорѣ, а крестьяне утверждаютъ, что никакой ссоры не было. Далѣе, нижніе чины показываютъ, что Евстратовъ сдѣлалъ четыре выстрѣла, чтобы устрашить напавшихъ крестьянъ, а между тѣмъ, какъ видно изъ показанія крестьянъ, Евстратовъ не подвергался никакимъ насильственнымъ дѣйствіямъ. Слѣдовательно нельзя не прійти къ тому убѣжденію, что для Евстратова бѣжать на пожаръ съ ружьемъ не представлялось никакой надобности. Еслибы крестьяне нанесли Евстратову побои, то въ такомъ случаѣ еще, пожалуй, можно было бы видѣть насильственныя дѣйствія крест-

янъ, а такъ какъ насилія здѣсь никакого не было, то и появленіе Евстратова съ ружьемъ вовсе не оправдывается необходимостію.

Затѣмъ нижніе чины показывали, что выстрѣлъ, которымъ убитъ Богдановъ, былъ сдѣланъ Евстратовымъ у самаго крыльца, т. е. въ тотъ моментъ, когда онъ имѣлъ полную возможность вбѣжать въ кордонъ и спастись отъ опасности. При этихъ обстоятельствахъ, если стать на точку зрѣнія подсудимаго Евстратова, что онъ выстрѣлилъ въ толпу, съ сознаніемъ всѣхъ послѣдствій, то нельзя не прійти къ тому заключенію, что онъ убилъ крестьянина Богданова вполнѣ умышленно. Такъ говорятъ нижніе чины. Если откинуть совсѣмъ показанія крестьянъ, то и тогда обстоятельства дѣла не оправдываютъ подсудимаго Евстратова.

Наконецъ обстоятельства еще болѣе измѣняются не въ пользу подсудимаго, если взять показанія крестьянъ, которые удостовѣряютъ, что Евстратовъ выходилъ первый разъ съ ружьемъ, изъ котораго не стрѣлялъ, а второй разъ съ револьверомъ, изъ котораго произвелъ выстрѣлы, причемъ всѣ свидѣтели удостовѣряютъ, что именно видѣли револьверъ. Если затѣмъ обратиться къ показанію вахмистра Мусорова, что на кордонѣ онъ самъ оставилъ три револьверныхъ патрона, а когда онъ возвратился послѣ происшествія, то нашелъ всего одинъ,—то невольно является вопросъ, куда же исчезли остальные два патрона?

Что показанія крестьянъ относительно выстрѣловъ довольно точны, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Всѣ они показываютъ, что Евстратовъ сдѣлалъ отъ 2—3 выстрѣловъ (изъ револьвера). Ружейныхъ патроновъ было на кордонѣ 8. Выпущено было 5. Сопоставляя число выстрѣловъ съ показаніями крестьянъ, я прихожу къ глубокому убѣжденію, что всѣ недостающіе патроны были выпущены Евстратовымъ. Все это я говорю для того, чтобы доказать, что подсудимый не все время находился около толпы, а возвращался въ кордонъ, что толпа вовсе не дѣлала нападенія и что, наконецъ, подсудимый не былъ въ такомъ положеніи, чтобы толпа на него напирала. Такимъ образомъ выходъ его на пожаръ и стрѣльба доказываютъ, что подсудимый не былъ въ состояніи необходимой обороны.

Далѣе,—знаки отъ дроби на стѣнѣ кордона не выяснены. Если даже допустить, что крестьяне дѣйствительно произвели выстрѣлъ въ нижнихъ чиновъ, то и при этихъ условіяхъ Евстратову нельзя было дѣйствовать противъ крестьянъ оружіемъ.

Подсудимый Евстратовъ заявляетъ, что выскочилъ на крикъ изъ кордона и увидѣлъ пожаръ. Крикъ раздавался на другомъ берегу рѣчки Тулоксы, около горѣвшей бани. Слѣдовательно подсудимый не могъ думать ни о какомъ провозѣ контрабанды и вовсе не имѣлъ надобности брать съ собой на пожаръ ружье, такъ какъ зналъ, что не находится при спеціальныхъ обязанностяхъ по отношенію къ преслѣдованію, контрабанды. Повторяю,—онъ не могъ не сознавать, что онъ въ то время былъ не то лицо, для дѣла котораго онъ былъ поставленъ на своемъ посту и что не имѣлъ права отправиться съ ружьемъ на пожаръ. Вѣдь Евстратову было доложено и онъ зналъ о пожарѣ, такъ какъ онъ самъ послалъ туда на помощь Коровасва. Слѣдовательно, выходя въ первый разъ на пожаръ, онъ не имѣлъ права и необходимости брать ружья. Взятіе же подсудимымъ оружія въ 1-й, 2-й и 3-й разъ не оправдываютъ его дѣйствія.

Здѣсь, передъ вами, было упомянаемо, что ранѣе были столкновенія между крестьянами и нижними чинами, но это было при другихъ обстоятельствахъ, т. е. при осмотрѣ одной лодки были нанесены удары Короваеву, вслѣдствіе чего онъ пролежалъ 3 дня въ Олонецкой больницѣ. Мнѣ кажется это предшествовавшее обстоятельство не можетъ служить объясненіемъ того, что со стороны Евстратова было исполненіе службы и въ данномъ случаѣ. Происшествіе съ Караваевымъ никакого отношенія къ настоящему дѣлу не имѣетъ, такъ какъ это столкновеніе имѣло чисто частный характеръ.

Обращаясь затѣмъ къ тому наказанію, которое влечетъ за собою преступленіе подсудимаго, я нахожу, что подсудимый Евстратовъ долженъ подлежать отвѣтственности по *1458* ст., въ силу того обстоятельства, что онъ зналъ, что могъ убить человѣка, да и сами обстоятельства доказываютъ, что онъ не могъ не знать, что онъ убьетъ, такъ какъ толпа крестьянъ въ моментъ выстрѣла стояла отъ него въ 26 саженяхъ. На основаніи указанной мною статьи виновные подлежатъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ или же въ рудники на 15 тѣтъ.

Защитникъ подсудимаго Полковникъ Щербаковъ. Гг. Судьи!.. Вамъ, конечно, хорошо извѣстно, что всякое преступленіе имѣетъ свои побудительныя причины, вытекающія изъ злой воли преступника. Отсюда невольно рождаются вопросы: какими именно побудительными причинами руководствовался Евстратовъ въ тотъ моментъ, когда произвелъ выстрѣлъ въ толпу и убилъ крестьянина Богданова, и вытекали-ли эти причины изъ злой воли Евстратова совершить преступленіе?..

Являясь, въ настоящемъ дѣлѣ, *впервые*, представителемъ таможеннаго вѣдомства для охраненія законныхъ интересовъ Пограничной Стражи, я считаю своею нравственною обязанностію, по мѣрѣ силъ своихъ, облегчить суду возможность разрѣшить означенные вопросы, согласно съ дѣйствительными требованіями истины и справедливости. Для осуществленія таковой цѣли я признаю существенно-необходимымъ, предварительно, пригласить Васъ, Гг. Судьи, мысленно, послѣдовать за мною въ сферу тѣхъ спеціальныхъ обязанностей военно-пограничнаго надзора,—въ сферу тѣхъ своеобразныхъ бытовыхъ условій, среди коихъ приходилось дѣйствовать Пограничной Стражѣ вообще... среди коихъ приходилось дѣйствовать и Евстратову при пограничномъ происшествіи 22 Августа минувшаго года.

На основаніи дѣйствующихъ постановленій Таможеннаго Устава Пограничная Стража есть спеціальная военная сила въ государствѣ, призванная охранять государственныя границы не только въ таможенномъ, но и въ политическомъ и въ полицейскомъ отношеніяхъ. Само собою понятно, что при выполненіи таковыхъ спеціальныхъ служебныхъ обязанностей Пограничная Стража поставлена въ самыя неблагопріятныя отношенія, къ такъ называемымъ *приграничнымъ жителямъ*, т. е. къ лицамъ, живущимъ, согласно 44 ст. Уст. Таможеннаго въ предѣлахъ семиверстной полосы отъ государственной границы во внутрь Имперіи. На пограничную Стражу, силою самаго закона, возлагается обязанность зорко слѣдить за дѣятельностію приграничныхъ жителей и принимать своевременныя законныя мѣры, если въ комъ либо изъ таковыхъ жителей будетъ замѣчено намѣреніе нарушить дѣйствующія на границахъ постановленія; при семъ, законъ, въ случаѣ насильственныхъ

дѣйствій со стороны приграничныхъ жителей, дозволяетъ Пограничной Стражѣ употреблять въ дѣло, какъ холодное, такъ равно и огнестрѣльное оружіе. Въ доказательство считаю своею обязанностію сослаться на 375 ст. Устава Таможеннаго, въ коей сказано:

«Если, во время службы, кто изъ чиновъ Пограничной Стражи примѣтитъ скопище вооруженное, или имѣющее съ собою хотя не оружіе, но вещи могущія причинить увѣчье, также, если люди приготовляются переправиться изъ-за границы, то онъ долженъ ихъ окликать, и буде не удалятся, то, не ожидая, пока нападутъ на него превосходною силою, можетъ по нихъ сдѣлать выстрѣлъ; въ случаѣ же дѣйствительнаго нападенія для отбитія товаровъ, или лично на чиновъ Пограничной Стражи, хотя бы *съ однимъ намѣреніемъ* причинить имъ побои, чины Пограничной Стражи могутъ употреблять какъ холодное, такъ и огнестрѣльное оружіе, съ возможною, однако, умѣренностію и, если во всѣхъ сихъ случаяхъ кого убьютъ или ранятъ, свободны отъ всякаго наказанія, а сопротивлявшіеся или нападавшіе наказываются на основаніи законовъ».

Изъ точнаго и буквальнаго смысла сей статьи, видно, что чины Пограничной Стражи имѣютъ право употреблять въ дѣло оружіе при обнаруженіи *одного только намѣренія со стороны нападающихъ причинить имъ побои.*—Право это принадлежитъ Стражѣ, во время каждаго пограничнаго происшествія, въ силу того обстоятельства, что Пограничная Стража обязана, со всевозможною тщательностію и неукоснительностію охранять государственную границу *всегда и на всемъ ея протяженіи* и вслѣдствіе сего признается *находящеюся при постоянномъ отправленіи обязанностей караульно-боевой службы.*

Съ своей стороны приграничные жители, въ большинствѣ случаевъ, предпочитаютъ своимъ обыкновеннымъ сельскимъ занятіямъ болѣе выгодное занятіе контрабандною промышленностію. Такое предпочтеніе вполнѣ понятно. Сельскія занятія, нерѣдко, при самомъ крайнемъ напряженіи силъ, даютъ весьма скудныя заработки, а слѣдовательно и скудныя средства къ существованію. Контрабандная же промышленность, напротивъ того, представляя постоянную смѣну напряженія и отдыха соединена, подобно войнѣ или охотѣ, съ привлекательными тревогами и опасностями и въ своемъ окончательномъ результатѣ открываетъ для приграничныхъ жителей полную возможность обогащаться *легко и быстро.* При такихъ условіяхъ вовсе неудивительно, что среди приграничнаго населенія выработался наслѣдственно, путемъ продолжительнаго времени, особый духъ, исполненный ухищреній предпріимчивости и отваги. Очевидно, что при такихъ условіяхъ приграничные жители не въ состояніи сносить стѣснительнаго для нихъ контроля со стороны военно-пограничнаго надзора и относятся съ самою крайнею озлобленностію и ненавистью къ чинамъ Пограничной Стражи. Отсюда вполнѣ понятно, и то, что для Стражи и въ особенности для лучшихъ дѣятелей оной, весьма трудно существовать на границѣ среди враждебно-настроеннаго къ нимъ приграничнаго населенія, которое преслѣдуетъ ихъ самою убійственною системою мести *всегда*, *вездѣ* и *во всемъ.*

Жители эти отказываютъ Пограничной Стражѣ въ продажѣ необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ, не упускаютъ никогда удобнаго случая нанести имъ оскорбленіе, и, наконецъ, дерзость ихъ нерѣдко доходитъ до того, что они эксплуатируютъ самое правосудіе гласнаго суда для достиженія своихъ противузаконныхъ цѣлей. Такъ напримѣръ,

если для нихъ возникаетъ необходимость сбыть изъ своей мѣстности наиболѣе дѣятельнаго, и способнаго чина Стражи, который для нихъ невыгоденъ,—то они дѣлаютъ это очень просто, а именно: пользуются первымъ убитымъ на границѣ контрабандистомъ, чтобы явиться въ значительномъ числѣ свидѣтелей, и ложно удостовѣрить что этотъ чинъ Стражи изъ чувства простой мести убилъ вовсе не контрабандира, а невиннаго приграничнаго жителя и что всѣ они своимъ непосредственнымъ зрѣніемъ видѣли это возмутительное убійство.—Такія единогласныя показанія переходятъ черезъ перо слѣдователя въ слѣдственное производство, подтверждаются на самомъ судѣ, и такимъ образомъ, составляя благодарный обвинительный матеріалъ, даютъ всякій разъ лицу прокурорскаго надзора полную возможность добросовѣстно убѣдить судъ, что обвиняемый чинъ Пограничной Стражи дѣйствительный преступникъ, котораго безпощадно слѣдуетъ сослать въ каторжныя работы. Г. судья! я близко стоялъ къ этому дѣлу, я всю жизнь мою глубоко интересовался имъ и могу торжественно засвидѣтельствовать Вамъ здѣсь, что нѣсколько десятковъ чиновъ Пограничной Стражи находятся въ настоящее время на каторгѣ, только вслѣдствіе храбраго, неустрашимаго и добросовѣстнаго исполненія своихъ спеціальныхъ, законныхъ обязанностей!

Вотъ Вамъ, Гг. судьи, въ бѣгломъ очеркѣ дѣйствительная картина бытовыхъ условій Пограничной Стражи и ихъ отношеній къ приграничнымъ жителямъ. Теперь, перейдемъ къ дѣлу Евстратова и посмотримъ, какіе именно свидѣтели были допрошены по настоящему дѣлу. И возможно-ли относиться съ довѣріемъ къ показаніямъ этихъ свидѣтелей?

Всѣхъ свидѣтелей по дѣлу Евстратова явилось 15 человѣкъ, изъ коихъ 3 человѣка оказываются чинами Пограничной Стражи, а остальные 12 человѣкъ изъ приграничныхъ крестьянъ, которые разумѣется, не могутъ относиться безпристрастно къ подсудимому Евстратову, какъ къ старшему на кордонѣ Тулоксы, который всегда зорко слѣдилъ за ихъ образомъ жизни.—Далѣе,—замѣтимъ, что всѣ свидѣтели, какъ это мы видѣли изъ судебнаго слѣдствія, участвовали въ вооруженномъ нападеніи на Евстратова и Короваева, а слѣдовательно становится еще труднѣе допустить, чтобы они могли показывать по дѣлу безпристрастно, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ имъ пришлось бы, прежде всего, показывать противъ самихъ себя. Поэтому, здравый смыслъ побуждаетъ насъ отнестись къ ихъ показаніямъ съ особенною осторожностію.

Приступая къ оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній означенныхъ приграничныхъ жителей я долженъ сказать, что всѣ 12 человѣкъ, какъ я, впрочемъ и ожидалъ, единогласно удостовѣрили, что Евстратовъ 22 Августа 1880 года въ день происшествія прибѣжалъ къ нимъ по окончаніи пожара въ пьяномъ видѣ, въ одной рубахѣ и безъ фуражки съ ружьемъ въ рукахъ и началъ къ нимъ приставать и всячески ихъ задѣвать. Затѣмъ Евстратовъ, по ихъ показаніямъ, убѣжалъ на кордонъ и черезъ нѣсколько минутъ снова вернулся съ револьверомъ въ рукахъ и началъ стрѣлять, но, какъ пьяный, ни въ кого попасть не могъ. Наконецъ вернулся снова на кордонъ и началъ оттуда стрѣлять изъ окна и однимъ выстрѣломъ убилъ крестьянина Богданова на разстояніи 26 саженъ отъ кордона. Сами они, крестьяне, вовсе не думали нападать

на чиновъ Пограничной Стражи и выстрѣлъ въ стѣнѣ кордона, вѣроятно, по ихъ мнѣнію, произвелъ самъ Евстратовъ, послѣ убійства крестьянина Богданова. Показанія эти съ перваго взгляда вполнѣ убѣждаютъ, что Евстратовъ кругомъ виноватъ. Но постараемся отнестить къ этимъ показаніямъ болѣе внимательно и болѣе критически.

1) Вы, Гг. судьи, конечно, обратили вниманіе, на то обстоятельство, что я каждому изъ очевидцевъ—крестьянъ предложилъ вопросъ, какимъ именно оружіемъ и сколько именно разъ Евстратовъ стрѣлялъ? Причемъ свидѣтели, бывшіе на самомъ мѣстѣ происшествія показали: что Евстратовъ произвелъ слѣдующіе выстрѣлы:

	Изъ револьвера.	Изъ ружья.	Всего.
Тухкинъ показалъ	2	2	4
Гайдуковъ	2	3	5
Константинъ Яковлевъ	2	не слыхалъ	2
Василій Яковлевъ	3	не слыхалъ	3
Петръ Михайловъ	3	3	6
Вешкинъ	2	3	5
Гавриловъ	слыхалъ всего		3
Афонасьевъ	3	2	5
Филиповъ	3	2	5
Макаровъ	не были на мѣстѣ происшествія		
Ишуковъ			
Михаилъ Яковлевъ	2	3	Итого неизвѣстно почему всего 9.

Изъ показанія этихъ съ очевидною ясностію вытекаетъ, что свидѣтели сговорились показывать не согласно съ истиной, а потому въ главныхъ чертахъ у нихъ вышло полное согласіе, а въ деталяхъ явное противорѣчіе, которое и обнаруживаетъ полнѣйшую искуственность ихъ показаній. Между тѣмъ стражники: Короваевъ и Коробовъ и вахмистръ Мусоровъ показали, что у нихъ на Тулокскомъ посту до происшествія, 22 Августа было всего 8 патроновъ, отъ казенныхъ ружей системы Крынка, причемъ вахмистръ Мусоровъ пріѣхавъ на постъ Тулоксы послѣ означеннаго происшествія, немедленно провѣрилъ наличное количество ружейныхъ патроновъ и на лицо оказалось всего 3 штуки. Кромѣ того, вахмистръ Мусоровъ удостовѣрилъ, что проѣзжая мимо поста Тулоксы, до означеннаго происшествія, онъ оставилъ на этомъ посту свой револьверъ съ тремя патронами, находившимися въ патронташѣ, а послѣ происшествія нашелъ всего одинъ револьверный патронъ. Осмотрѣвъ свой револьверъ онъ, Мусоровъ, убѣдился, что изъ него выстрѣловъ произведено не было; а потому и допускаетъ вѣроятность что онъ самъ могъ потерять два патрона. Тутъ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что показанія нижнихъ чиновъ вполнѣ совпадаютъ съ объясненіемъ самого подсудимаго Евстратова, который показалъ, что увидавъ, что, крестьяне бьютъ стражника Караваева онъ схватилъ ружье и 8 патроновъ и сперва произвелъ 4 выстрѣла въ воздухъ чтобы испугать крестьянъ, что ему вполнѣ и удалось, такъ какъ Короваевъ успѣлъ вырваться изъ ихъ рукъ, а впослѣдствіи произвелъ пятый выстрѣлъ изъ

ружья, коимъ и убилъ крестьянина Богданова, когда толпа крестьянъ вооруженная палками, топорами, баграми и т. п., въ числѣ около 100 человѣкъ, начала ихъ преслѣдовать къ кордону, и когда кто-то изъ толпы произвелъ выстрѣлъ дробью въ стѣну кордона. Револьвера-же Евстратовъ съ собою не бралъ и выстрѣловъ изъ него вовсе не производилъ. Такимъ образомъ очевидно, что показанія нижнихъ чиновъ вполнѣ согласны съ истиной, а показанія крестьянъ не согласуются съ обстоятельствами происшествія, обнаруживаютъ свою искусственность и, слѣдовательно, не могутъ заслуживать довѣрія со стороны суда.

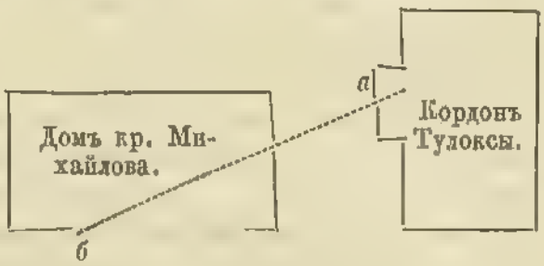
2) На вопросы предложенные мною каждому изъ крестьянъ-свидѣтелей: «въ какомъ именно видѣ былъ Евстратовъ въ тотъ моментъ когда стрѣлялъ»? каждый изъ нихъ отвѣтилъ мнѣ, что Евстратовъ былъ въ одной рубахѣ и безъ шапки. Между тѣмъ стражники Короваевъ и Коробовъ удостовѣряютъ, что Евстратовъ былъ въ мундирѣ и фуражкѣ. Я болѣе склоненъ вѣрить опять-таки показаніямъ названныхъ нижнихъ чиновъ, чѣмъ показаніямъ крестьянъ на томъ основаніи, что для крестьянъ необходимо было выдумать, что Евстратовъ былъ въ рубахѣ и безъ шапки для того, чтобы подобными показаніями сильнѣе убѣдить васъ гг. судьи, что Евстратовъ былъ дѣйствительно пьянъ. Такая выдумка, однако вполнѣ не удалась, такъ какъ крестьяне спутались въ своихъ показаніяхъ на поставленный мною вопросъ: «какого цвѣта была надѣта рубаха на Евстратовѣ»? Мы слышали, что одинъ изъ свидѣтелей отвѣтилъ,—въ красной, другой,—въ розовой, третій,—въ бѣлой а остальные свидѣтели смекнули въ чемъ дѣло и отозвались, что они не замѣтили цвѣта рубахи, надѣтой на Евстратовѣ.

3) Хотя всѣ свидѣтели удостовѣрили, что Евстратовъ въ день происшествія былъ пьянъ, но именно это удостовѣреніе и заставляетъ меня прійти къ совершенно обратному выводу и именно по слѣдующимъ соображеніямъ: изъ практики пограничнаго надзора извѣстно, что если пограничный солдатъ пьянъ, то онъ и пьянствуетъ. Если онъ пьянствуетъ то непремѣнно пьянствуетъ и на счетъ приграничныхъ жителей, которымъ это вполнѣ на руку. Отсюда слѣдуетъ, что если-бы Евстратовъ дѣйствительно пьянствовалъ или былъ пьянъ, то мы уже никогда бы не узнали этого факта отъ приграничныхъ жителей. Повѣрьте той несомнѣнной истинѣ извѣстной въ практикѣ пограничной службы, что плохая аттестація для чина Пограничной Стражи, если его хвалитъ приграничное населеніе, такъ какъ самая ожесточенная ненависть опять-таки того же населенія всегда сосредоточивается на лучшихъ дѣятеляхъ Стражи.—Поэтому всѣ выдумки свидѣтелей на Евстратова доказываютъ совершенно противное, т. е. что онъ пьянъ не былъ и слѣдовательно дѣлаютъ ему только честь, какъ солдату, вполнѣ хорошему въ смыслѣ пограничнаго надзора.

4) Всѣ крестьяне показываютъ, что никто изъ нихъ выстрѣла въ кордонъ не производилъ и удостовѣряютъ, что этотъ выстрѣлъ сдѣлали сами солдаты. Господинъ прокуроръ, въ своей обвинительной рѣчи коснулся этого обстоятельства слегка, какъ бы соглашаясь съ правильностью показаній свидѣтелей. Вы, гг. судьи, однако, слышали, что вахмистръ Мусоровъ и стражники: Коробовъ и Короваевъ, единогласно, удостовѣрили здѣсь на судебномъ слѣдствіи, что на посту Тулоксы ни у кого изъ солдатъ не было охотничьяго ружья. Слѣдовательно возможно допустить одно только предположеніе, что выстрѣлъ дробью произвелъ кто либо изъ

солдатъ и притомъ изъ казеннаго ружья системы Крынка, заряжающагося, какъ извѣстно, съ казенной части готовымъ патрономъ, заключающимъ въ себѣ: снарядъ, зарядъ и воспламенительное приспособленіе. Но такое предположеніе немыслимо осуществить на дѣлѣ. Я глубоко убѣжденъ, что вы, гг. судьи, будучи представителями войсковой среды, хорошо знакомы съ военнымъ дѣломъ и разумѣется раздѣлите вполнѣ мое убѣжденіе, что подобнаго выстрѣла изъ ружья системы Крынка произвести рѣшительно невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, если допустить, что дробь была вложена съ казенной части завернутая въ бумагу,—далѣе если допустить, что и порохъ былъ вложенъ подобнымъ-же способомъ и воспламененъ при помощи спички, то при такомъ выстрѣлѣ во первыхъ стрѣлявшій долженъ былъ бы неизбѣжно опалить себѣ лицо и во вторыхъ дробь отъ нарѣзовъ должна была разбросаться по всей стѣнѣ двухъэтажнаго кордона, тогда какъ изъ прочитаннаго на судѣ протокола осмотра, видно, что дробь улеглась въ діаметрѣ всего полуаршина.

5) Всѣ крестьяне удостовѣряютъ, что въ тотъ моментъ, когда Евстратовъ стрѣлялъ въ толпу, всѣ они были въ разстояніи отъ кордона на 26 саженъ, что доказывается мѣстомъ паденія убитаго крестьянина Богданова, конечно, на чертежѣ слѣдователя, а не на самомъ дѣлѣ. Изъ протокола осмотра мѣстности дѣйствительно видно, что крестьянинъ Богдановъ упалъ въ 26 саженяхъ отъ кордона. Но дѣло въ томъ, что если провести мысленно линію выстрѣла отъ крыльца кордона, откуда стрѣлялъ Евстратовъ, къ тому пункту, гдѣ упалъ Богдановъ, то оказывается, что подобная линія пересѣкаетъ уголъ дома крестьянина Михайлова, вслѣдствіе чего убить подобнымъ выстрѣломъ Богданова



а крыльцо, отъ котораго Евстратовъ стрѣлялъ.
б мѣсто, гдѣ упалъ убитый крестьянинъ Богдановъ.

было рѣшительно невозможно: отсюда слѣдуетъ, что крестьянинъ Богдановъ, находясь въ вооруженной и нападавшей толпѣ былъ убитъ Евстратовымъ несравненно ближе къ кордону, чѣмъ это означено опять-таки на чертежѣ слѣдователя и только впослѣдствіи пограничные жители оттащили его далѣе отъ кордона, конечно, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы скрыть слѣды своего возмутительнаго и дерзкаго нападенія на чиновъ пограничной стражи.

Такимъ образомъ, всѣ данныя, разобранныя нами на судебномъ слѣдствіи побуждаютъ насъ, съ безпристрастной точки зрѣнія, прійти къ слѣдующему, окончательному заключенію: Съ одной стороны показанія всѣхъ пограничныхъ жителей проникнуты очевиднымъ намѣреніемъ: скрыть виновность своего противозаконнаго нападенія на стражу,—изобразить себя невинно пострадавшими въ лицѣ убитаго своего товарища крестьянина Богданова, и, опираясь на это убійство, выставить Евстратова во что бы то ни стало единственнымъ виновникомъ всего

происшествія. Напротивъ того, показанія нижнихъ чиновъ съ неотразимою убѣдительностію указываютъ намъ, что приграничные жители были озлоблены на стражу и по естественной послѣдовательности вынудили Евстратова произвести выстрѣлъ въ нападавшую толпу, при которомъ жертвою палъ, нападавшій въ числѣ другихъ, крестьянинъ Богдановъ. Конечно изъ сказаннаго мною возникаетъ вопросъ: *за что же наконецъ приграничные жители могли имѣть злобу на нижнихъ чиновъ Тулокскаго поста?* Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ и такимъ образомъ, окончательно, освѣтить весь смыслъ этого происшествія, я долженъ васъ, гг. судьи, попросить только припомнить показаніе свидѣтеля Короваева. Этотъ свидѣтель показалъ, что за нѣсколько дней до убійства Богданова они получили отъ своего начальства строжайшее секретное приказаніе, на основаніи 1376 ст. Уст. Таможеннаго, осматривать всѣ лодки, приходящія по Ладожскому озеру изъ Финляндіи. Вслѣдъ за этимъ приказаніемъ онъ, Короваевъ, какъ-то ночью, подстерегъ финляндскую сойму, тихо и осторожно причалившую къ берегу. Выбѣжавши изъ засады и вскочивши въ сойму, онъ объяснилъ крестьянамъ, что долженъ произвести осмотръ; но въ отвѣтъ на эти слова кто-то изъ крестьянъ нанесъ ему столь сильный ударъ дубиною въ голову, что онъ упалъ почти безъ чувствъ, послѣ чего ему нанесли еще около четырехъ ударовъ и выбросили изъ соймы, которая отчалила отъ берега и выгрузилась неизвѣстно гдѣ. Я придаю этому факту особенно важное значеніе, такъ какъ за послѣднее время положительно извѣстно, что кромѣ обыкновенной контрабанды водворяется и контрабанда весьма опасная, отражающаяся на внутреннемъ спокойствіи государства. Разумѣется, очень жалко, что этотъ фактъ остался безъ всякаго обстоятельнаго разслѣдованія. Наконецъ, въ заключеніе своего показанія, Короваевъ присовокупилъ, что отъ этихъ ушибовъ онъ пролежалъ три дня въ Олонецкой земской больницѣ, и что прямымъ поводомъ къ происшествію 22 Августа было именно то обстоятельство, что крестьяне были озлоблены на него, Короваева, за то, что онъ посмѣлъ осмотрѣть финляндскую сойму, на которой они привезли изъ Финляндіи неизвѣстно какіе предметы. Г-нъ прокуроръ высказалъ, что это первое столкновеніе, будто бы, имѣло чисто частный характеръ, и что первое происшествіе не можетъ служить объясненіемъ второго. Я же нахожу, что происшествіе 22 Августа прошлаго года имѣетъ неразрывную связь съ побоями, нанесенными за нѣсколько дней передъ тѣмъ Короваеву за то, что онъ возъимѣлъ намѣреніе осмотрѣть финляндскую сойму, и позволяю себѣ вполнѣ надѣяться, что вы, гг. судьи, скорѣе раздѣлите въ этомъ отношеніи мой взглядъ, чѣмъ взглядъ г-на прокурора.

Сверхъ сего, я считаю необходимымъ возразить противъ одного весьма оригинальнаго вывода обвинительной власти. Г-нъ прокуроръ, опираясь на тотъ фактъ, что Евстратовъ произвелъ выстрѣлъ въ толпу въ тотъ моментъ, когда успѣлъ добѣжать до крыльца кордона,—приходитъ къ тому заключенію, что онъ могъ скрыться отъ нападенія въ самомъ зданіи кордона и, слѣдовательно, вовсе не былъ *въ состояніи необходимой обороны*. Между тѣмъ постановленія о необходимой оборонѣ къ настоящему случаю вовсе не относятся. 101 ст. Улож. о Наказ. *предоставляетъ право* всякому лицу употреблять всевозможныя мѣры для отраженія нападенія, угрожающаго опасностію для жизни, здоровья или свободы обороняющагося. Между тѣмъ выше указанная мною 375 ст.

Уст. Таможеннаго *не предоставляетъ право, а обязываетъ* Пограничную Стражу употреблять въ дѣло оружіе противъ толпы, обнаруживающей одно только намѣреніе напасть на стражу или же причинить ей побои. Мнѣ кажется, что между *правомъ*, предоставленнымъ необходимою обороною всѣмъ безъ исключенія гражданамъ и между *обязанностію* употреблять оружіе установленною спеціальнымъ закономъ для Пограничной Стражи, есть нѣкоторая разница и что къ настоящему случаю слѣдуетъ примѣнять не 101 ст. Улож., какъ полагаетъ г-нъ прокуроръ, а 375 ст. Устава Таможеннаго. Въ настоящемъ дѣлѣ мы имѣли случай убѣдиться, что озлобленная толпа пограничныхъ жителей человѣкъ около ста, вооруженная палками, кольями и баграми напала на Короваева и Евстратова, и что кто-то изъ толпы произвелъ даже выстрѣлъ дробью, которая, пролетѣвъ мимо Евстратова, попала въ стѣну кордона. Согласитесь, что въ этотъ моментъ Евстратовъ, какъ ефрейторъ и начальникъ Тулокскаго кордона могъ совершенно основательно ожидать, что нападеніе завершится внутри кордона, что казенное имущество можетъ быть уничтожено или же что самый кордонъ можетъ быть подожженъ. И если бы Евстратовъ не употребилъ оружіе и затѣмъ что либо подобное произошло, то я глубоко убѣжденъ, что начальствующіе лица Пограничной Стражи непремѣнно предали бы суду Евстратова за неупотребленіе оружія, и тогда г. прокуроръ обвинялъ бы Евстратова съ такимъ же увлеченіемъ *въ неупотребленіи оружія*, съ какимъ онъ въ настоящее время обвиняетъ его *въ употребленіи оружія*.

Наконецъ изъ того взгляда, что чины Пограничной Стражи при нападеніи на нихъ должны скорѣе прятаться въ кордонѣ, чѣмъ употреблять оружіе противъ нападающихъ съ очевидною ясностію вытекаетъ, что права злоумышленниковъ, по мнѣнію прокурора, должны расширяться въ ущербъ правамъ Пограничной стражи. При такихъ условіяхъ для вполнѣ успѣшнаго водворенія контрабанды,—злоумышленники должны только заботиться о томъ, чтобы въ необходимые для себя моменты окружать кордоны и держать ихъ въ блокадѣ до тѣхъ поръ, пока другая часть злоумышленниковъ не окончитъ означеннаго водворенія. Тогда и злоумышленники будутъ оставаться безнаказанными, и водвореніе контрабанды будетъ совершаться самымъ благополучнымъ образомъ. Очевидно, что подобный взглядъ не согласуется съ спеціальными, практическими требованіями пограничной службы и составляетъ чистый абсурдъ.

И такъ если Евстратовъ, въ силу 375 ст. Уст. Тамож., употребилъ оружіе противъ нападавшей на него и на Короваева вооруженной толпы совершенно законно, то невольно рождаются вопросы: гдѣ же тутъ преступленіе?... Какой Евстратовъ преступникъ?... И, наконецъ во имя чего онъ отсидѣлъ шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, прежде чѣмъ даже явился передъ вами на скамью подсудимыхъ?...

Гг. судьи!... Я долженъ сказать, что ничто не потрясаетъ караульной службы Пограничной Стражи съ такою силою какъ обвинительные приговоры военныхъ судовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда нижніе чины Стражи употребляли въ дѣло оружіе на законномъ основаніи. Подобные приговоры деморализируютъ нравственныя силы Пограничной Стражи, такъ какъ для чиновъ оной, конечно, непріятно попадать на скамью подсудимыхъ и ожидать ссылки въ каторжныя работы ради добросовѣстнаго, неустрашимаго и храбраго исполненія своихъ спеціальныхъ обя-

занностей. Деморализація же нравственныхъ силъ и энергіи Стражи вліяетъ на усиленіе контрабандной промышленности, а отсюда, по прямой и естественной послѣдовательности, происходитъ умепьшеніе государственныхъ сборовъ въ таможенныхъ кассахъ и ослабленіе сбыта произведеній нашей отечественной, фабричной промышленности. Слѣдовательно, подобные приговоры отражаются самымъ ощутительнымъ образомъ на финансовыхъ, экономическихъ и политическихъ интересахъ государства.

Я глубоко убѣжденъ, что вы вынесете оправдательный приговоръ для Евстратова и докажете этимъ приговоромъ, съ одной стороны, для Стражи,—что законная правда торжествуетъ и, съ другой стороны, для присутствующихъ здѣсь свидѣтелей пограничныхъ жителей,—что они не могутъ эксплуатировать правосудіе гласнаго суда, дарованное намъ незабвеннымъ царствованіемъ Императора Александра II.

Г. прокуроръ сдѣлалъ слѣдующее возраженіе:

Я считаю себя обязаннымъ возразить г-ну защитнику, не съ цѣлью отягченія участи подсудимаго, а исключительно съ цѣлью выясненія истины. По моему мнѣнію Евстратовъ все-таки долженъ подлежать отвѣтственности по 1458 ст. Улож. о Наказ., въ силу того обстоятельства, что онъ, по буквальному смыслу 819 ст. того же Улож., *отступилъ отъ правилъ Таможеннымъ Уставомъ предписанныхъ.*

Затѣмъ г. защитникъ доказываетъ, что всѣ пограничные жители занимаются контрабандною промышленностію. Съ этимъ я никакъ не могу согласиться. Если это такъ, то значитъ достаточно жить около границы, чтобы считаться контрабандистомъ, чтобы быть лишеннымъ всякаго довѣрія. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ предоставить чинамъ Пограничной Стражи безнаказанно употреблять оружіе противъ беззащитныхъ и мирныхъ гражданъ. Такъ напр. здѣсь на судѣ никто изъ нижнихъ чиновъ Пограничной стражи, не исключая и самого подсудимаго Евстратова, не удостовѣрилъ, чтобы кто либо изъ свидѣтелей по сему дѣлу занимался контрабандною промышленностію, а потому и къ показаніямъ означенныхъ свидѣтелей необходимо отнестись съ полнымъ довѣріемъ.

Г. защитникъ, въ свою очередь, возразилъ слѣдующее: Гг. Судьи! Г. прокуроръ возразилъ на мою защиту съ цѣлью выяснить истину, а въ дѣйствительности, какъ мнѣ кажется, только затемнилъ ее. Такъ напр. г-нъ прокуроръ по прежнему настаиваетъ на примѣненіи къ Евстратову 1458 ст. Улож. о Наказ., замѣтьте, въ силу того обстоятельства, что Евстратовъ по 819 ст. того же Улож. *отступилъ отъ правилъ Таможеннымъ Уставомъ предписанныхъ.* Между тѣмъ, отъ какихъ именно правилъ таможенныхъ Евстратовъ отступилъ, этого г-нъ прокуроръ вовсе намъ не объяснилъ и даже не обезпокоился запастись Уставомъ Таможеннымъ, являясь обвинять пограничнаго солдата. Согласитесь, гг. судьи, что подобныя доказательства совершенно безсодержательны и голословны, и что вы не можете сдѣлать изъ нихъ никакого употребленія. Затѣмъ г. прокуроръ совершенно напрасно упрекаетъ меня въ томъ, что я будто бы сказалъ, что всѣ безъ исключенія пограничные жители занимаются контрабандною промышленностію. Я сказалъ, что таковою промышленностію занимается *большинство пограничныхъ жителей* и не только остаюсь при этомъ взглядѣ, но и подтверждаю свои слова еще разъ, опираясь на многолѣтнюю практику пограничнаго надзора. Нако-

нецъ, г. прокуроръ утверждаетъ, что приграничные жители беззащитные и мирные. По поводу этого я только позволю себѣ напомнить вамъ, гг. судьи, тотъ фактъ, какъ эти беззащитные и мирные граждане размозжили голову стражнику Короваеву только за то, что тотъ хотѣлъ исполнить свою прямую служебную обязанность и какъ эти же граждане мирно вели себя при пропествіи 22 Августа прошлаго года.

Я болѣе не желаю, гг. судьи, утомлять ваше вниманіе, такъ какъ чувствую, что я окончилъ въ отношеніи Евстратова свою нравственную обязашность. Передавая его вамъ, я могу сказать, что совѣсть моя спокойна въ его дальнѣйшей участи.

По предоставленіи предсѣдателемъ подсудимому послѣдняго слова, Евстратовъ заявилъ суду, что почти всѣ вызванные свидѣтели занимаются контрабандною промышленностію, и что крестьянинъ Макаровъ безпрестанно ѣздитъ съ этою цѣлью въ Финляндію, но что до сихъ поръ никому не удалось его поймать.

Послѣ сего судъ удалился въ совѣщательную комнату для постановленія приговора.

Въ $2^1/_2$ часа ночи судъ вынесъ резолюцію въ коей:

1) призналъ сфрейтора Евстратова невиновнымъ, по невмѣняемости ему такого дѣянія въ вину и постановилъ, на основаніи 92 и 101 ст. Улож. о Наказ. и 1 п. 834 ст. XXIV кн. Св. В. П, 1869 г. изд. 2, считать его по суду оправданнымъ.

и 2) объ обнаруженномъ на судебномъ слѣдствіи обстоятельствѣ, что крестьяне Олонецкаго уѣзда, погоста Тулокскаго, имѣя неудовольствіе на нижнихъ чиновъ Пограничной Стражи за строгое преслѣдованіе ими контрабанды,—дозволили себѣ, 22 Августа 1880 года, вооруженное нападеніе на нижнихъ чиновъ Тулокскаго поста, на основаніи 843 ст. XXIV кн. Св. В. П., сообщить, чрезъ военнаго прокурора, подлежащему начальству, для дальнѣйшаго на законномъ основаніи распоряженія.

Вмѣстѣ съ провозглашеніемъ этой резолюціи предсѣдатель, на основаніи 849 ст. XXIV кн. Св. В. П., объявилъ Евстратову, что онъ судомъ оправданъ, а потому можетъ быть на свободѣ и приказалъ караульному офицеру снять съ него конвой (*).

(*) Отчетъ этотъ былъ напечатанъ по распоряженію Департамента Таможенныхъ Сборовъ въ 1881 г.

II.

1) Засѣданіе временнаго военнаго суда въ г. Петрозаводскѣ по дѣлу о старшемъ вахмистрѣ С.-Петербургской Бригады Пограничной Стражи Германѣ Мусоровѣ, обвиняемомъ въ убійствѣ двухъ приграничныхъ жителей.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

Петрозаводскъ.

(*Корреспонденція «Новаго Времени»*.)

Недѣли три тому назадъ въ военномъ судѣ въ нашемъ городѣ, при многочисленной публикѣ разсматривалось дѣло о вахмистрѣ пограничной стражи Мусоровѣ по обвиненію въ томъ, что 10-го ноября 1882 г., въ селѣ Кондушахъ (Олонецкаго уѣзда), на свадьбѣ у крестьянина Аристова, онъ Мусоровъ поссорился съ крестьянами и преслѣдуемый ими успѣлъ добѣжать до кордона, гдѣ нижніе чины сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ на воздухъ для устрашенія крестьянъ, послѣ чего Мусоровъ выстрѣлилъ въ толпу, причемъ въ разстояніи 18 саженъ смертельно ранилъ двухъ крестьянъ.

На судебномъ слѣдствіи кондушскіе крестьяне показали, что Мусоровъ, пріѣдя на свадьбу, самъ началъ всячески ихъ задѣвать, но затѣмъ ушелъ и впослѣдствіи безо всякой побудительной причины началъ на улицѣ стрѣлять, тогда какъ никто изъ нихъ никакого нападенія на него не дѣлалъ.

Между тѣмъ, изъ показаній остальныхъ свидѣтелей выяснилось слѣдующее: мѣстный уѣздный фельдшеръ Терновскій удостовѣрилъ, что кондушскіе крестьяне сговорились показывать на судѣ ложно и что всѣ они давно были подговорены крестьяниномъ Бачкіевымъ напасть на чиновъ пограничной стражи и въ особенности на Мусорова за то, что послѣдній осмѣлился задержать у Бачкіева контрабандные товары, причемъ для нападенія пріискивался только удобный случай. Затѣмъ, стражникъ Безкоровайный удостовѣрилъ что крестьянинъ Бачкіевъ не разъ похвалялся ему въ лицо, что онъ всѣхъ кондушскихъ крестьянъ подкупилъ за 25 руб., чтобы проучить чиновъ пограничной стражи, а крестьянинъ Ершовъ сверхъ сего показалъ что покойный крестьянинъ Николаевъ какъ-то ему говорилъ, что если Мусоровъ пріѣдетъ 21-го ноября на ярмарку въ Кавгъ-озеро, то съ нимъ будетъ стычка. Наконецъ изъ показаній: фшляндца Карванена, крестьянина Богданова и стражниковъ: Безкоровайнаго, Величкина и другихъ выяснилось, что 10-го ноября, вечеромъ, кондушскіе крестьяне, въ числѣ около 150 человѣкъ, вооруженные кольями, полѣньями и каменьями, преслѣдуя Мусорова отъ дома Аристова до поста часового, произвели на этомъ мѣстѣ ожесточенное нападеніе какъ на него, Мусорова, такъ ровно и на другихъ чиновъ стражи, причемъ ни 8 выстрѣловъ, сдѣланныхъ по приказанію Мусорова для устрашенія толпы, ни отраженіе нападавшихъ ударами прикладовъ, — не могли остановить нападенія до тѣхъ поръ, пока вахмистръ Мусоровъ и часовой Величкинъ не произвели выстрѣловъ въ толпу, изъ которыхъ однимъ выстрѣломъ были убиты двое

крестьянъ. Изъ прочитаннаго же на судѣ протокола медицинскаго осмотра было видно, что у чиновъ пограничной стражи оказались поврежденія на тѣлѣ отъ ударовъ тупымъ твердымъ орудіемъ, а именно у Мусорова четыре поврежденія, у Безкоровайнаго—два у Величкина—одно. Причемъ на судѣ въ качествѣ вещественнаго доказательства находился и штыкъ, изогнутый финляндцемъ Самсоновымъ въ тотъ моментъ, когда онъ старался вырвать ружье изъ рукъ вахмистра Мусорова.

По окончаніи судебнаго слѣдствія помощникъ военнаго прокурора, доказывая на основаніи показаній кондушскихъ крестьянъ, что вахмистръ Мусоровъ совершилъ убійство и нанесъ нѣкоторымъ крестьянамъ раны въ запальчивости и раздраженіи, сослался въ числѣ другихъ, приводимыхъ имъ доказательствъ и на общественное мнѣніе г. Петрозаводска, причемъ, однако, защитникъ подсудимаго, полковникъ Щербаковъ, обратился съ просьбою къ предсѣдателю не позволять г-ну прокурору приводить подобныя доказательства, такъ какъ судъ по закону постановляетъ свое рѣшеніе исключительно на основаніи совокупности обстоятельствъ, провѣренныхъ на судебномъ слѣдствіи.

Въ своей защитительной рѣчи полковникъ Щербаковъ пригласилъ сперва судъ, мысленно, послѣдовать за нимъ въ сферу тѣхъ своеобразныхъ, бытовыхъ условій, среди которой пограничной стражи приходится исполнять свои спеціальныя, законныя обязанности и, обрисовавъ эту особую сферу дѣятельности, объяснилъ, что вслѣдствіе исполненія означенныхъ обязанностей приграничное населеніе, почти по всей государственной границѣ, относится къ стражѣ съ самою крайнею озлобленностію и преслѣдуетъ ихъ самою убійственною системою мести всегда, вездѣ и во всемъ, причемъ дерзость приграничныхъ жителей, занимающихся въ большинствѣ случаевъ контрабандною промышленностью, нерѣдко доходитъ до того, что они единогласными, ложными показаніями эксплуатируютъ даже самое правосудіе гласнаго суда для достиженія своихъ противозаконныхъ цѣлей. Затѣмъ защитникъ доказалъ всю неправдоподобность показанія кондушскихъ крестьянъ и что Мусоровъ, при происшествіи 10-го ноября, дѣйствовалъ въ состояніи необходимой обороны, и заключилъ свою рѣчь тѣмъ, что обвинять Мусорова въ убійствѣ равносильно обвиненію его въ томъ что онъ не позволилъ убить себя самаго.

Стороны обмѣнялись возраженіями, причемъ защитникъ на приводимый прокуроромъ доводъ, что всѣ свидѣтели изъ чиновъ пограничной стражи допрашивались на судѣ подъ очевиднымъ нравственнымъ давленіемъ двухъ полковниковъ, прибывшихъ въ судъ отъ спеціальнаго корпуса пограничной стражи, возразилъ г. прокурору, что лично онъ, полковникъ Щербаковъ, прибылъ въ судъ совершенно законно, такъ какъ выбранъ въ защитники самимъ подсудимымъ, а относительно бригаднаго командира полковника Алексѣева, пояснилъ что послѣдній явился въ судъ въ силу недавняго приказа по войскамъ петербургскаго военнаго округа, строго обязывающаго начальниковъ частей присутствовать при разбирательствѣ дѣлъ о подчиненныхъ имъ нижнихъ чинахъ, о каковомъ приказѣ г. прокурору должно бы быть болѣе извѣстно, чѣмъ ему защитнику.

Послѣ двухчасового совѣщанія судъ вынесъ оправдательный приговоръ, признавъ, что подсудимый совершилъ означенныя дѣянія въ состояніи необходимой обороны (*).

(*) См. Новое Время отъ 26 марта 1883 г. за № 2541.

2) Засѣданіе главнаго военнаго суда 29 марта 1883 г. Дѣло по протесту помощника военнаго прокурора на оправдательный приговоръ временнаго военнаго суда въ г. Петрозаводскѣ, постановленный по дѣлу о старшемъ вахмистрѣ петербургской бригады пограничной стражи Мусоровѣ (*).

Предсѣдательствовалъ предсѣдатель главнаго военнаго суда генералъ отъ инфантеріи *Дютовскій*; дѣло докладывалъ членъ суда генералъ-лейтенантъ *Мельницкій*; заключеніе давалъ исп. об. товарища главнаго военнаго прокурора полковникъ *Володимировъ*; словесныя объясненія со стороны Мусорова представлялъ *прис. пов. князь Урусовъ*. Обстоятельства этого дѣла заключаются въ слѣдующемъ:

10-го ноября 1882 г., въ селѣ Кондушахъ (Олонецкаго уѣзда), на свадьбѣ у крестьянина Аристова, онъ, Мусоровъ, поссорился съ крестьянами и, преслѣдуемый ими, успѣлъ добѣжать до кордона, гдѣ нижніе чины сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ на воздухъ для устрашенія крестьянъ, послѣ чего Мусоровъ выстрѣлилъ въ толпу, причемъ на разстояніи 18 саженъ смертельно ранилъ двухъ крестьянъ.

При разбирательствѣ этого дѣла во временномъ военномъ судѣ въ Петрозаводскѣ, кондушскіе крестьяне показали, что Мусоровъ, пріѣдя на свадьбу, самъ началъ всячески ихъ задѣвать, но затѣмъ ушелъ и впослѣдствіи безо всякой побудительной причины началъ на улицѣ стрѣлять, тогда какъ никто изъ нихъ никакого нападенія на него не дѣлалъ.

Между тѣмъ, изъ показаній остальныхъ свидѣтелей выяснилось слѣдующее: мѣстный уѣздный фельдшеръ Терновскій удостовѣрилъ, что кондушскіе крестьяне сговорились показывать на судѣ ложно и что всѣ они давно были подговорены крестьяниномъ Бакчіевымъ напасть на чиновъ пограничной стражи и въ особенности на Мусорова за то, что послѣдній осмѣлился задержать у Бакчіева контрабандные товары, причемъ для нападенія пріискивался только удобный случай. Затѣмъ, стражникъ Безкоровайный удостовѣрилъ, что крестьянинъ Бакчіевъ не разъ похвалялся ему въ лицо, что онъ всѣхъ кондушскихъ крестьянъ подкупилъ за 25 руб., чтобы проучить чиновъ пограничной стражи, а крестьянинъ Ершовъ сверхъ того показалъ, что покойный крестьянинъ Николаевъ какъ-то ему говорилъ, что если Мусоровъ придетъ 21-го ноября на ярмарку въ Кавгъ-озеро, то съ нимъ будетъ стычка. Наконецъ, изъ показаній: финляндца Корванена, крестьянина Богданова и стражниковъ Безкоровайнаго, Величкина и другихъ выяснилось, что 10-го ноября, вечеромъ, кондушскіе крестьяне, въ числѣ около 150 человѣкъ, вооруженные кольями, поленьями и каменьями, преслѣдуя Мусорова отъ дома Аристова до поста часового, произвели на этомъ мѣстѣ ожесточенное нападеніе какъ на него, Мусорова, такъ равно и на другихъ чиновъ стражи, причемъ ни 8 выстрѣловъ, сдѣланныхъ по приказанію Мусорова для устрашенія толпы, ни отраженіе нападавшихъ ударами прикладовъ—не могли остановить нападенія до тѣхъ поръ, пока вахмистръ Мусоровъ и часовой Величкинъ не произвели выстрѣловъ въ толпу, изъ которыхъ однимъ выстрѣломъ были убиты двое крестьянъ.

(*) Стенографическій отчетъ помѣщенъ въ *Судебной Газетѣ* отъ 10 апрѣля 1883 г. за № 15.

Изъ прочитаннаго же на судѣ протокола медицинскаго осмотра было видно, что у чиновъ пограничной стражи оказались поврежденія на тѣлѣ отъ ударовъ тупымъ твердымъ орудіемъ, а именно: у Мусорова четыре поврежденія, у Безкоровайнаго—два у Величкина—одно. Причемъ на судѣ въ качествѣ вещественнаго доказательства находился и штыкъ, изогнутый финляндцемъ Самсоновымъ въ тотъ моментъ, когда онъ старался вырвать ружье изъ рукъ вахмистра Мусорова.

По окончаніи доклада дѣла были произнесены слѣдующія рѣчи: *Исп. об. товарища главнаго военнаго прокурора полковника Володимирова.* Если за силою 4 ст. XXIV кн. св. воен. пост., устранить при разсмотрѣніи настоящаго дѣла всѣ обстоятельства, относящіяся къ существу дѣла, отчасти включенныя въ протестъ и въ особенности изобилующія въ объясненіяхъ защиты *), то главному военному суду предстоитъ сосредоточиться на основномъ и даже единственномъ вопросѣ, а именно: на вопросѣ о правильности примѣненія къ дѣлу тѣхъ законовъ объ условіяхъ необходимой обороны, которыя указаны въ 101 ст. улож. о наказ. Сопоставляя обстоятельства настоящаго дѣла съ относящимися къ нему законами, я нахожу, что на основаніи 101 ст. улож. о нак., нанесеніе ранъ и даже убійство не вмѣняются въ вину, какъ средство необходимой личной обороны, тогда, когда отъ нападенія представлялась опасность для жизни, свободы или здоровья оборонявшагося, и когда у оборонявшагося не было возможности прибѣгнуть къ защитѣ мѣстнаго ближайшаго начальства. Разсматривая признанныя судомъ обстоятельства по настоящему дѣлу, оказывается, что вахмистръ Мусоровъ, находясь на свадьбѣ въ частномъ домѣ, поссорился тамъ съ бывшими въ гостяхъ крестьянами и, замѣтивъ враждебное отношеніе къ нему толпы, вышелъ изъ дому и пустился бѣжать, но крестьяне преслѣдовали его, бросая въ него камнями и кольями; когда же онъ, преслѣдуемый толпою, добѣжалъ до поста часоваго совершенно невредимый, то вызвавъ съ кордона вооруженныхъ нижнихъ чиновъ онъ приказалъ имъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ на воздухъ для устрашенія крестьянъ, но затѣмъ замѣтивъ, что эта мѣра возбуждала только смѣхъ со стороны крестьянъ и что толпа, вооруженная кольями, все болѣе и болѣе увеличивается, Мусоровъ приказалъ нижнимъ чинамъ повторить выстрѣлы на воздухъ, а стоящему на посту рядовому Величкину — сдѣлать выстрѣлъ въ ноги толпѣ и въ то же время самъ выстрѣлилъ въ толпу, причемъ смертельно ранилъ двухъ крестьянъ и кромѣ того нанесъ легкія раны финлядскому уроженцу Самсонову и крестьянину Тропіеву.

Изъ этихъ обстоятельствъ, признанныхъ судомъ, видно, что если Мусорову и угрожала опасность въ то время, когда онъ бѣжалъ отъ крестьянъ *преслѣдуемый съ ихъ стороны кольями и камнями*, то по достиженіи поста часоваго и по вызовѣ на помощь команды солдатъ, онъ сталъ уже подъ вооруженною охраной нижнихъ чиновъ. При такихъ обстоятельствахъ, по моему мнѣнію, примѣненіе 101 ст. улож. о нак. представлялось-бы возможнымъ и правильнымъ только тогда, если-бы судомъ было признано, что уже не одинъ Мусоровъ, а вся призванная имъ на защиту и помощь команда нижнихъ чиновъ, въ составъ которой входилъ и Мусоровъ, находилась въ состояніи необходимой обороны,

*) Защищалъ въ военно-окружномъ судѣ Мусорова полковникъ Щербаковъ.

т. е. подверглась нападенію превосходящей силы, грозившей непосредственною, непредотвратимою опасностью жизни и здоровью всѣхъ нижнихъ чиновъ, причемъ подвергавшіеся этой опасности были поставлены въ невозможность прибѣгнуть къ защитѣ мѣстнаго или ближайшаго начальства. Но такихъ обстоятельствъ въ приговорѣ суда не усматривается. Поэтому я нахожу, что судъ не долженъ былъ и не имѣлъ права примѣнять къ дѣянію подсудимаго 101 ст. улож. и признавать его не подлежащимъ наказанію по невмѣняемости. Для того, чтобы подкрѣпить этотъ выводъ, мнѣ достаточно сослаться на кассаціонное рѣшеніе сената за 1868 г. по дѣлу Селина, гдѣ сенатъ совершенно правильно призналъ состояніемъ необходимой обороны лишь такое положеніе лица, совершившаго преступленіе или проступокъ, когда для устраненія нападенія не представлялось никакой возможности прибѣгнуть къ законной защитѣ. Я полагаю, что такою законною защитою въ настоящемъ случаѣ представлялась именно та самая команда, подъ вооруженную охрану которой Мусоровъ сталъ, и лишь опасность, угрожавшая всей командѣ, лишь признаніе судомъ силъ всей команды недостаточными для отраженія нападенія, угрожавшаго не только Мусорову, но и всѣмъ нижнимъ чинамъ команды,—могли оправдать правильность примѣненія къ настоящему дѣлу ст. 101 Улож. о нак. угол. и исправ.

Какъ вы изволите видѣть, я разсматриваю настоящій вопросъ о необходимой оборонѣ и правильности примѣненія ея къ дѣйствіямъ Мусорова исключительно съ точки зрѣнія тѣхъ условій, которыми необходимая оборона обставляется въ 101 ст. улож. Затѣмъ, я не касаюсь дѣйствій Мусорова, какъ начальника, направлявшаго дѣйствія вооруженной команды подчиненныхъ ему нижнихъ чиновъ, такъ какъ разсматривать настоящее дѣло съ точки зрѣнія 277 ст. XXII книги или съ точки зрѣнія другихъ постановленій, содержащихся въ уголовныхъ законахъ, для насъ, въ кассаціонномъ порядкѣ, не представляется никакихъ основаній.

Установивъ такимъ образомъ основанія для отмѣны приговора по неправильному примѣненію 101 ст. улож., я считаю долгомъ, независимо отъ этого, обратить вниманіе главнаго военнаго суда и на тѣ существенныя нарушенія, которыя, хотя и косвенно, но затрогиваются въ кассаціонномъ протестѣ и относятся до примѣненія къ настоящему дѣлу 821 ст. XXIV кн. С. В. П. Въ отношеніи 821 ст. я нахожу, что постановка вопросовъ по настоящему дѣлу дѣйствительно представляетъ серьезное и существенное нарушеніе 821 ст. и особенно послѣдней ея части, такъ какъ поставленный по дѣлу вопросъ о вмѣненіи, по неоднократнымъ разъясненіямъ какъ кассаціоннаго сената, такъ и главнаго военнаго суда, оказывается совершенно не соотвѣтствующимъ тѣмъ указаніямъ, которыя преподаны по этому предмету кассаціонною практикою. Нельзя ставить вопросъ о причинахъ невмѣненія въ тѣхъ выраженіяхъ, которыя допущены судомъ въ настоящемъ случаѣ. Состояніе необходимой обороны складывается изъ цѣлаго ряда фактическихъ признаковъ, которые должны быть указаны въ вопросахъ, подлежащихъ разрѣшенію, а не въ отвѣтахъ на нихъ, такъ какъ только при соблюденіи этого правила установляется возможность яснаго уразумѣнія смысла отвѣтовъ суда. Но въ виду того, что это нарушеніе затронуто въ протестѣ лишь косвенно, я обращаю на него вниманіе

главнаго военнаго суда только въ порядкѣ надзора, а затѣмъ, въ кассаціонномъ порядкѣ, полагалъ бы, за нарушеніемъ условій, опредѣленныхъ въ 101 ст. уложенія, приговоръ временнаго суда въ г. Петрозаводскѣ отмѣнить и предписать петербургскому военно-окружному суду разсмотрѣть дѣло вновь. въ другомъ составѣ присутствія.

Присяжный повѣренный князь Урусовъ. Гг. судьи! Въ своемъ заключеніи г. военный прокуроръ полагаетъ, что единственный вопросъ, подлежащій вашему обсужденію, заключается въ томъ, правильно-ли примѣнена судомъ къ настоящему дѣлу 101 ст. улож. о наказ., говорящая о необходимой оборонѣ, причемъ г. военный прокуроръ устраняетъ всѣ тѣ обстоятельства, которыя, на основаніи 4 ст. XXIV кн. св. воен. пост., относятся къ существу дѣла. Такимъ образомъ, упрощенный вопросъ сводится къ разсмотрѣнію протокола суда, вопроснаго листа, отвѣтовъ на поставленные вопросы и самаго приговора суда. Но такъ какъ вопросъ о примѣненіи 101 ст. неразрывнымъ образомъ связанъ съ фактическою подкладкою дѣла, то невозможно обойти эту фактическую сторону въ тѣхъ размѣрахъ и предѣлахъ, которыми она установлена документами, могущими быть вами разсмотрѣнными. Поэтому, я не буду ссылаться на такія обстоятельства дѣла, которыя изложены въ обвинительномъ актѣ, но полагаю, что тѣ фактическіе признаки, которые изложены въ документахъ, подлежащихъ вашему разсмотрѣнію, не могутъ быть обойдены молчаніемъ. Меня подтверждаетъ въ этомъ и самое заключеніе г. военнаго прокурора, потому что въ этомъ *заключеніи упоминаются нѣкоторыя фактическіе признаки.* И такъ, дѣлая предметомъ своихъ объясненій прежде всего ту часть фактическихъ обстоятельствъ, которую можетъ разсмотрѣть главный военный судъ, я позволю себѣ указать на то, что ходъ происшествія съ самаго начала представляется по изложенію заключенія г. военнаго прокурора *не совершенно полнымъ.* Говорится о томъ, что Мусоровъ, поссорившись на свадьбѣ съ крестьянами, обратился въ бѣгство, былъ преслѣдуемъ и т. д. Здѣсь я считаю умѣстнымъ напомнить, что въ протоколъ судебнаго засѣданія, по требованію помощника военнаго прокурора, поддерживавшаго обвиненіе, занесено то крайне важное обстоятельство, что одному изъ свидѣтелей, дававшему показаніе по дѣлу, было уже заранѣе извѣстно, что крестьяне предполагаютъ произвести нападеніе на пограничную стражу. Обстоятельство это весьма важно, и, по требованію прокурора записано въ протоколъ для возбужденія противъ этого свидѣтеля уголовнаго преслѣдованія за недонесеніе объ извѣстномъ готовящемся преступленіи.

И такъ, фактъ, что готовилось нападеніе, можетъ считаться установленнымъ судебнымъ протоколомъ. Далѣе говорится о томъ, что нападеніе, будто бы, не производилось крестьянами, что здѣсь было только преслѣдованіе. *Но въ данномъ случаѣ упущенъ изъ вниманія другой весьма важный и существенный фактическій признакъ, а именно, какъ видно изъ текста вопроснаго листа, то обстоятельство, что нападеніе дѣлалось все болѣе и болѣе настойчивымъ*, что не только толпа возрастала и не только отвѣчала смѣхомъ на выстрѣлы, выпущенные на воздухъ, но и самое нападеніе толпы *принимало характеръ болѣе упорный.* Упускать изъ вида эту подробность нельзя. Судя по изложенному заключенію г. военнаго прокурора можно было бы думать, что толпа находилась въ извѣстномъ разстояніи, когда вахмистръ Мусоровъ добѣжалъ до

поста часоваго, что она на выстрѣлы отвѣчаетъ смѣхомъ, и что такимъ образомъ здѣсь является совершенно безобидное препровожденіе времени. Между тѣмъ изъ обстоятельствъ дѣла оказывается совершенно иное, и эти обстоятельства, какъ входящія цѣликомъ въ составъ признаковъ нападенія, необходимо возстановить въ памяти судей. Обстоятельства эти, какъ вы слышали изъ доклада дѣла, заключаются въ томъ, что штыкъ ружья, находившагося въ рукахъ Мусорова, искривленъ во время рукопашной борьбы, что двѣ легкія раны, нанесенныя крестьянамъ, нанесены въ упоръ: у одного изъ нихъ руки обожжены порохомъ и на нихъ нашлась копоть, у другаго—рана нанесена штыкомъ. Все это указываетъ на рукопашный бой. Такимъ образомъ, если такія поврежденія были,—а они удостовѣрены изъ доклада; если медицинскимъ осмотромъ фактически удостовѣрено, что у обвиняемаго Мусорова были найдены на тѣлѣ четыре поврежденія, происходящія отъ ударовъ твердымъ тѣломъ, то слѣдовательно удары были нанесены или кольями или каменьями. Затѣмъ медицинскимъ актомъ удостовѣрено, что не только у одного Мусорова, но и у другихъ чиновъ пограничной стражи были найдены на тѣлѣ поврежденія отъ нанесенныхъ ударовъ. Слѣдовательно вооруженное нападеніе происходило на весь караулъ. Является несомнѣннымъ тотъ фактъ, что на стражу, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, съ планомъ, подготовленнымъ нѣсколько времени ранѣе этого,—а что такое подготовленіе возможно, это извѣстно всѣмъ, знающимъ отношенія между пограничною стражею и пограничными жителями—дѣлается ночное нападеніе со стороны нѣсколькихъ сотъ разъяренныхъ крестьянъ, только что пировавшихъ на свадьбѣ. Преслѣдуемый этою толпою, Мусоровъ добѣгаетъ до поста, гдѣ стоитъ часовой и здѣсь, т. е. вовсе не отъ кордона, а съ поста часоваго дѣлаются выстрѣлы для устрашенія толпы (изъ плана мѣстности видно, что это разстояніе половинное, что до кордона оставалось еще 22 сажени). Въ это время производится нападеніе на чиновъ стражи, толпа ростетъ, бросаетъ каменьями и кольями, слѣды этихъ ударовъ на тѣлѣ Мусорова, штыкъ его искривленъ во время рукопашной борьбы, выстрѣлы сдѣланы въ упоръ, и послѣ этого еще спрашивается, существуютъ ли здѣсь признаки необходимой обороны или нѣтъ?... Но я спрашиваю, если здѣсь нѣтъ необходимой обороны, то когда же она наступаетъ? Что же требуется отъ человѣка? Я полагалъ, что судя по тексту 101 ст. въ заключеніи будетъ указано на то, что Мусоровъ не обратился къ мѣстному начальству. Но я выслушалъ совершенно справедливое заключеніе юриста о томъ, къ защитѣ котораго долженъ былъ обратиться Мусоровъ, и былъ тотъ военный караулъ, подъ прикрытіемъ котораго онъ находился. Слѣдовательно Мусоровъ сдѣлалъ все то, что отъ него зависѣло, онъ обратился къ этому начальству. Немыслимо утверждать, что во время ночнаго нападенія, преслѣдуемый толпою крестьянъ, Мусоровъ долженъ былъ обратиться къ мѣстному полицейскому стражнику, живущему въ самой деревнѣ. Вѣдь для того, чтобы добраться до полицейскаго стражника, нужно было прорваться, сквозь толпу крестьянъ производившую нападеніе, слѣдовательно нужно было аттаковать эту толпу. Возражая противъ протеста, я спрашиваю, какой же смыслъ имѣетъ для вооруженнаго солдата находящагося въ составѣ вооруженнаго караула, обращаться къ полицейской власти? Я счелъ необходимымъ остановиться, на этомъ соображеніи потому, что

оно входитъ главнымъ образомъ въ составъ протеста. Въ особое мнѣніе г. предсѣдательствовавшаго это соображеніе вовсе не входитъ. Полковникъ Бабстъ вовсе не указываетъ на то, чтобы Мусоровъ потому былъ виновенъ и потому не находился въ состояніи необходимой обороны, что не обратился къ мѣстному начальству.

Это соображеніе всецѣло принадлежитъ помощнику прокурора, полковнику Кудрявцеву, но оно неосновательно во всѣхъ отношеніяхъ, и въ юридическомъ, и въ фактическомъ, оно неосуществимо и, какъ всѣ неосуществимыя предположенія, не можетъ быть поставлено въ вину подсудимому. Слѣдовательно остается разсмотрѣть вопросъ о томъ, дѣйствительно-ли судомъ въ данномъ случаѣ нарушены законныя условія примѣненія 101 ст. улож. Въ одномъ изъ вашихъ рѣшеній по жалобѣ ротмистра Бланка, обвинявшагося въ нанесеніи оскорбленія полковнику Роговскому, высказано весьма цѣнное для насъ, юристовъ, замѣчаніе относительно примѣненія 101 ст. улож. Въ этомъ рѣшеніи буквально выражено слѣдующее: 101 ст. не можетъ имѣть безусловнаго примѣненія къ воинскимъ преступленіямъ въ виду особыхъ требованій военной службы и дисциплины. Я думаю, что выраженная въ данномъ случаѣ мысль не можетъ въ воинномъ судѣ не пользоваться крайне авторитетнымъ значеніемъ. Дѣйствительно, положеніе вооруженнаго лица, солдата, находящагося на дѣйствительной службѣ, въ пограничной стражѣ, во время произведеннаго на него вооруженнаго нападенія, несомнѣнно доказаннаго, не можетъ быть таково, какимъ представляется положеніе частнаго лица, гражданина, невооруженнаго, идущаго за помощью къ полицейской власти. Но даже и въ этомъ случаѣ новѣйшая теорія права не настаиваетъ на обращеніи къ начальству. Послѣднія руководства уголовнаго права, послѣдніе успѣхи мысли въ области уголовнаго права, придаютъ обращенію къ начальству значеніе совершенно второстепенное. Въ извѣстныхъ руководствахъ Гуго-Мейера и др. обращеніе къ начальству не считается существеннымъ признакомъ необходимой обороны. Въ необходимой оборонѣ должна быть прежде всего доказана и признана судомъ настоятельная опасность нападенія. Поэтому, вы можете поставить вопросъ: доказано ли и признано ли судомъ, что нападеніе было? На это приходится отвѣтить: да, доказано, да, признано судомъ. Если это доказано и признано судомъ, то въ чемъ же заключается неточность примѣненія 101 ст.? Была ли доказана опасность для жизни? Да, въ самыхъ отвѣтахъ суда признана опасность для жизни Мусорова. Въ чемъ же заключается неправильность примѣненія 101 ст.? Для того, чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, необходимо принять путь, такъ сказать, обходный. Мы видимъ, что этотъ вопросъ разлагается на двѣ части: съ одной стороны—опасность для жизни, съ другой—нападеніе. Но эти двѣ половины на лицо. Поэтому цѣлкомъ слѣдуетъ признать правильное примѣненіе закона о необходимой оборонѣ, оно существуетъ. Но посмотримъ, можетъ быть другіе законы помогутъ намъ разрѣшить сомнѣніе, возбужденное заключеніемъ г. прокурора. Посмотримъ 1467 ст. улож. Она имѣетъ для насъ значеніе потому, что указываетъ границу, межу, рубежъ статьи 101. Статья 1467 говоритъ о наказаніи за превышеніе необходимой обороны. Въ чемъ же заключается это превышеніе? Въ томъ, говоритъ 1467 ст., когда убійство или какое нибудь насиліе совершено безъ нужды и послѣ опасности. Слѣдовательно, если Мусоровъ совершилъ дѣяніе не безъ нужды

и не послѣ опасности, то онъ не перешелъ за предѣлы необходимой обороны. Я думаю, что изъ обстоятельствъ дѣла въ томъ видѣ, какъ они представляются по вопросному листу, нѣтъ возможности придти къ заключенію, чтобы опасность миновала и чтобы выстрѣлы были сдѣланы безъ всякой надобности. О запальчивости и раздраженіи тутъ не можетъ быть рѣчи. Они имѣли бы мѣсто тогда, если бы Мусоровъ прямо выстрѣлилъ въ толпу. Но онъ выстрѣлилъ послѣ того, какъ были даны залпы на воздухъ для устрашенія толпы. Слѣдовательно онъ дѣйствовалъ сознательно, но подъ вліяніемъ такого чувства опасности, которое вездѣ, во всѣхъ странахъ міра и во всѣ времена признавалось совершенно достаточнымъ основаніемъ для обороны... Для того, чтобы эти слова не показались совершенно голословными, я укажу на нѣкоторые источники 101 ст. Не отправляясь далеко и не обращаясь къ иностраннымъ законодательствамъ, можно сказать, что необходимость обороны при наличности опасности и нападенія признавалась въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ искони. Достаточно взглянуть на уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, законодательный памятникъ XVII вѣка.

Въ 105 ст. этого уложенія сказано: *«а будетъ онъ передъ судьями кому златы учинитъ, или кою убьетъ до смерти бороняся отъ себя, для того что тотъ, кою онъ ранитъ или убьетъ самъ ею передъ судьями напередъ учалъ бити, а скажутъ про то судьи, и такова никакою казнію не казнити, потому, что онъ то учинилъ боронтся отъ себя»*.

Слѣдовательно, это положеніе представлялось безспорнымъ еще въ XVII вѣкѣ. Неужели же въ нашъ вѣкъ мы постараемся съузить его? Вотъ все, что я считалъ нужнымъ указать. Я не считаю себя въ правѣ указывать на нѣкоторые законы, которые могли бы имѣть примѣненіе, наприм. на 277 ст. XXII кн. св. воен. пост. и 375 ст. тамож. устава. Эти статьи указываютъ на особыя обязанности воинскихъ чиновъ— защищать свою жизнь. Если это чувство имѣетъ каждый гражданинъ, то лишать этого права солдата было бы въ высшей степени несправедливо. Поэтому, разсматривая приговоръ военно-окружнаго суда, я нахожу, что въ немъ находятся всѣ тѣ признаки, которые вы всегда требовали отъ военныхъ приговоровъ. Вы признавали, что необходимая оборона не существуетъ противъ начальства. Поэтому, вы оставляли безъ послѣдствій заявленія о томъ, что такой-то принялъ насильственную мѣру для огражденія себя отъ приказаній начальника. Затѣмъ второе положеніе заключается въ томъ, что при существованіи необходимой обороны судъ долженъ формально признать нападеніе—здѣсь оно признано, судъ долженъ признать опасность—здѣсь она признана. Наконецъ вы сказали военнымъ судамъ, что они обязаны ставить вопросы о вмѣняемости въ случаѣ необходимой обороны по 821 ст., т. е. чтобы вопросъ о вмѣняемости ставился отдѣльно отъ вопроса о виновности. Это требованіе военнымъ судомъ исполнено. Чего же еще требовать? Не значитъ-ли это прямо заходить въ существо дѣла и рѣшать, что Мусоровъ почему-нибудь виноватъ по существу? Но по существу мы его не судимъ. Можетъ быть онъ и виноватъ по существу, но было бы крайне несправедливо обсуждать этотъ вопросъ въ настоящее время. Мы судимъ не столько Мусорова, сколько военный судъ. Онъ отвѣчаетъ за свои поступки и оправдывается совершенно ясно. Онъ говоритъ, что имъ исполнено требованіе, возложенное XXIV кн. и практикой главнаго военнаго суда. Вотъ почему я смѣю надѣяться, что главный военный судъ, оставаясь

въ предѣлахъ своей компетенціи и не касаясь вопроса по существу дѣла, признаетъ, что неправильнаго примѣненія 101 ст. не было и потому оправдательный приговоръ оставить безъ измѣненія.

Послѣ совѣщанія, продолжавшагося нѣсколько минутъ, главный военный судъ вынесъ слѣдующую резолюцію: *приговоръ временнаго военнаго суда, въ г. Петрозаводскѣ, о подсудимомъ, старшемъ вахмистрѣ, петербургской бригады пограничной стражи, Мусоровѣ, отмѣнить, предписавъ петербургскому военно-окружному суду вновь разсмотрѣть настоящее дѣло въ другомъ составѣ присутствія.*

3) Засѣданіе С.-Петербургскаго Военно-Окружнаго Суда 16-го и 17-го іюня 1883 года по дѣлу о старшемъ вахмистрѣ С.-Петербургской бригады пограничной стражи Германѣ Мусоровѣ *).

Предсѣдательствовалъ генералъ-маіоръ *Цемировъ*. Обвинялъ помощникъ военнаго прокурора капитанъ *Бобянскій*. Защищалъ состоящій при департаментѣ таможен. сборовъ пограничной стражи полковникъ *Щербаковъ*.

По вводѣ подсудимаго и выполненіи всѣхъ обычныхъ судебныхъ формальностей былъ прочитанъ, во 1-хъ) обвинительный актъ, по которому вахмистръ Мусоровъ обвинялся въ томъ, что 10 ноября 1882 года, въ селѣ Кондушахъ (Олонецк. уѣзда), на свадьбѣ у крестьянина Аристова, онъ поссорился съ крестьянами и, преслѣдуемый ими, успѣлъ добѣжать до часоваго, гдѣ нижніе чины сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ на воздухъ для устрашенія крестьянъ, послѣ чего Мусоровъ выстрѣлилъ въ толпу и смертельно ранилъ двухъ крестьянъ Ѳедора Николаева и Якова Матвѣева и во 2-хъ) рѣшеніе главнаго военнаго суда, по сему же дѣлу, въ которомъ, между прочимъ, разъяснено, что если Мусорову и угрожала опасность въ то время, когда онъ бѣжалъ отъ крестьянъ, которые бросали въ него камнями и кольями, то, по достиженіи поста часоваго и по вызовѣ на помощь команды солдатъ, онъ уже *сталъ внѣ всякой опасности подъ вооруженную охрану нижнихъ чиновъ*. При такихъ обстоятельствахъ, примѣненіе 101 ст. улож. о нак. представлялось возможнымъ и правильнымъ только тогда, если бы судомъ было признано, что уже не одинъ Мусоровъ, а вся призванная имъ на защиту и помощь команда нижнихъ чиновъ, въ составъ которой входилъ и Мусоровъ, находилась въ положеніи необходимой обороны, т. е. подвергалась нападенію превосходящей силы—грозившей явною опасностію жизни нижнихъ чиновъ, причемъ была поставлена въ полную невозможность устранить угрожавшую опасность обращеніемъ къ мѣстной или ближайшей власти. А такъ какъ изложенныхъ обстоятельствъ въ приговорѣ суда не содержится, то судъ не имѣлъ основанія примѣнять къ

---

*) Стенографическій отчетъ помѣщенъ въ *Судебной Газетѣ* отъ 10 Іюля 1883 г. за № 28. Дѣло о вахмистрѣ Мусоровѣ разсматривалось въ 1-й разъ во Временномъ военномъ судѣ, въ г. Петрозаводскѣ, 26-го февраля сего года, при чемъ названный судъ вынесъ оправдательный приговоръ, признавъ что вах. Мусоровъ совершилъ убійство двухъ крестьянъ и нанесъ легкія раны другимъ крестьянамъ, находясь въ состояніи необходимой обороны. (См. судебную хронику въ газетѣ Новое Время отъ 26 марта сего года за № 2541). Затѣмъ, главный военный судъ, рѣшеніемъ отъ 29 марта сего года за № 56 вслѣдствіе протеста помощника военнаго прокурора, полковника Кудрявцева, отмѣнилъ этотъ приговоръ и предписалъ С.-Петербургскому военно-окружному суду вновь разсмотрѣть это дѣло въ другомъ составѣ присутствія. (См. хронику въ Судебной газетѣ, отъ 10 апрѣля 1883 года за № 15).

дѣянію Мусорова 101 ст. улож. и признавать его неподлежащимъ наказанію, по невмѣняемости содѣяннаго. По симъ основаніямъ главный военный судъ опредѣлилъ: приговоръ временнаго военнаго суда въ г. Петрозаводскѣ о старшемъ вахмистрѣ Мусоровѣ отмѣнить, предписавъ Петербургскому военно-окружному суду вновь разсмотрѣть настоящее дѣло, въ другомъ составѣ присутствія».

На судебномъ слѣдствіи свидѣтельскія показанія распались на двѣ рѣзко различающіяся между собою группы, а именно: Кондушскіе крестьяне, вызванные въ судъ въ числѣ около 20 человѣкъ, показали, что вахмистръ Мусоровъ, придя по приглашенію крестьянина Терентія Николаева на свадьбу, самъ началъ ихъ всячески задѣвать, но затѣмъ ушелъ и нѣсколько времени спустя, безо всякой побудительной причины, началъ стрѣлять на улицѣ, отъ крыльца дома Пименова; кромѣ того, названные крестьяне пояснили, что будто бы никто изъ нихъ на вахмистра Мусорова, часоваго Величкина и чиновъ пограничной стражи не нападалъ, а равно полѣньевъ и камней въ нихъ не кидалъ. Между тѣмъ, всѣ нижніе чины пограничной стражи, какъ-то: Величкинъ, Безкоровайный, Литвиновъ, Максимъ Богдановъ, Терентій Богдановъ, а равно и бывшіе на свадьбѣ финляндцы: Корваненъ, Алексѣевъ и Харлосвъ, единогласно удостовѣрили, что 10 ноября, вечеромъ, Кондушскіе крестьяне, въ числѣ свыше ста человѣкъ, вооруженные кольями, полѣньями и каменьями, преслѣдовали Мусорова отъ дома Аристова, до поста часоваго и на этомъ мѣстѣ произвели нападеніе какъ на него, Мусорова, такъ равно на часоваго Величкина и другихъ чиновъ стражи, вызванныхъ по тревогѣ на помощь. При нападеніи чины пограничной стражи произвели, по приказанію вахмистра, 8 выстрѣловъ на воздухъ для устрашенія толпы и затѣмъ старались отразить нападавшихъ ударами прикладовъ, но такъ какъ нападеніе стало еще болѣе упорнымъ, то вахмистръ Мусоровъ и часовой Величкинъ произвели два выстрѣла въ толпу, изъ которыхъ однимъ выстрѣломъ были убиты двое крестьянъ. Затѣмъ мѣстный отрядный офицеръ пограничной стражи, капитанъ Чарковскій и уѣздный фельдшеръ Терновскій показали, что каждый изъ нихъ прибывъ по горячимъ слѣдамъ на мѣсто происшествія, видѣлъ собственными глазами, что около поста часоваго валялось весьма много камней, палокъ и полѣньевъ, причемъ капитанъ Чарковскій присовокупилъ, что нѣкто крестьянинъ Бачкіевъ давно собирался отомстить вахмистру Мусорову за то, что послѣдній задержалъ у него контрабандные мѣха и тѣмъ самымъ нанесъ ему убытокъ до 600 руб. сер. Наконецъ, стражникъ Безкоровайный показалъ, что крестьянинъ Бачкіевъ не разъ похвалялся ему въ лицо, что онъ за 25 руб. сер. подкупилъ всѣхъ Кондушскихъ крестьянъ, чтобы отомстить чинамъ пограничной стражи. Изъ прочитаннаго же на судѣ протокола медицинскаго осмотра, было видно, что у чиновъ пограничной стражи оказались поврежденія на тѣлѣ отъ ударовъ тупымъ твердымъ орудіемъ, а именно: у Мусорова *четыре повреждения*, у Безкоровайнаго—*два* и у Величкина—*одно*. Наконецъ, на судѣ, въ качествѣ вещественнаго доказательства, находился и штыкъ, изогнутый финляндцемъ Самсоновымъ въ то время, когда онъ намѣревался вырвать ружье изъ рукъ вахмистра Мусорова.

Съ окончаніемъ судебнаго слѣдствія были произнесены слѣдующія рѣчи:

Помощникъ военнаго прокурора *Бодянскій*. Гг. судьи!... Лишеніе жизни человѣка есть чрезвычайно крайняя мѣра и въ обществѣ всегда возбуждаетъ чувство отвращенія. Поэтому всякій случай убійства долженъ быть разобранъ крайне старательно; должны быть представлены всѣ основанія для того, чтобы одного изъ людей признать виновнымъ. Смертная казнь исключена изъ лѣстницы наказаній, кромѣ случаевъ чрезвычайныхъ, слѣдовательно, если государство не считаетъ возможнымъ казнить людей смертію за извѣстныя преступленія, то если частный человѣкъ принимаетъ на себя право судить другаго, онъ долженъ имѣть вполнѣ достаточныя къ тому основанія. Самый фактъ совершенія убійства измѣняетъ сущность судебнаго процесса въ томъ отношеніи, что доказательства должны быть представлены со стороны обвиняемаго, потому что онъ долженъ оправдаться въ фактѣ убійства, которое онъ совершилъ, онъ долженъ представить вполнѣ достаточныя данныя, чтобы доказать, что онъ находился въ такомъ положеніи, въ которомъ его дѣяніе было единственнымъ выходомъ. Такая постановка дѣла должна исключать всѣ привходящіе элементы процесса, на которыхъ защита въ данномъ случаѣ старается сосредоточить ваше вниманіе. Эти привходящіе элементы состоятъ въ томъ, что вамъ желаютъ представить дѣло не въ томъ цвѣтѣ, какъ оно было въ дѣйствительности. На это дѣло я смотрю просто какъ на фактъ убійства и постараюсь разобрать фактическія причины этого дѣянія. Причины предъидущія, какъ контрабанда, политическія и полицейскія обязанности стражи для меня не интересны и я устраню изъ моихъ соображеній всѣ эти характеристики Кондушскихъ жителей, которыя вы слышали отъ свидѣтелей, капитана Чарковскаго, фельдшера Терновскаго и урядника Буттіева. Компетентность всѣхъ этихъ лицъ не безспорна. Г. Чарковскій — чиновникъ того вѣдомства, къ которому принадлежитъ подсудимый, слѣдовательно его показанія по необходимости должны быть односторонніе, потому что онъ смотритъ на дѣло съ точки зрѣнія своей обязанности; для него только тѣ жители хороши, которые не являются контрабандистами, хотя въ этомъ смыслѣ относительно Кондушскихъ крестьянъ мы не имѣемъ фактовъ занятія ихъ контрабандою. Затѣмъ, какою-то странною личностью является нѣкто Бакчіевъ, о которомъ мы также фактическихъ свѣдѣній не имѣемъ, но который въ глазахъ противной стороны имѣетъ огромное значеніе. Бакчіевъ, по показанію свидѣтелей, человѣкъ богатый и имѣетъ большое вліяніе на крестьянъ, но пользуется-ли онъ этимъ вліяніемъ въ хорошую или въ дурную сторону,—осталось не выясненнымъ. То, что онъ богатъ, не можетъ служить ему въ укоръ. Человѣкъ работящій, умный, конечно можетъ пріобрѣсти себѣ извѣстное состояніе. И такъ этотъ Бакчіевъ фигурировалъ въ показаніи капитана Чарковскаго и фельдшера Терновскаго. Терновскій вообще человѣкъ характера не храбраго: ему грезятся мнимыя нападенія, хотя фактическихъ данныхъ онъ не указалъ, а потому его показаніе я не считаю достаточно достовѣрнымъ и скорѣе могъ бы остановиться на показаніи урядника, который по обязанности своей службы имѣетъ частыя прикосновенія со всѣми сторонами жизни и дѣятельности крестьянъ, слѣдовательно лучше ихъ знаетъ. Онъ далъ вамъ показаніе довольно удовлетворительное для Кондушскихъ жителей, по крайней мѣрѣ онъ не грезилъ разбойниками и контрабандистами. Вообще я желалъ бы вовсе отказаться говорить о кон-

трабандѣ, но въ виду того, что защита на этомъ настаиваетъ, я не могу не указать, что этотъ вопросъ разъяснился передъ вами крайне оригинально. Говорили о какихъ-то сгнившихъ шкурахъ, съ которыми былъ задержанъ Бакчіевъ. Но Бакчіевъ былъ оправданъ, а шкуры сгнили по распоряженію полицейской власти. Очевидно изъ этого еще нельзя считать Бакчіева контрабандистомъ, а съ другой стороны это была единственная поимка въ этомъ районѣ границы, хотя пограничники не только охраняютъ фискальные интересы казны, но вмѣстѣ и личные интересы, такъ что на поимкахъ сосредоточивается все ихъ вниманіе. О другихъ случаяхъ контробанды капитанъ Чарковскій заявилъ только, что вѣроятно они были, но когда и гдѣ, онъ не могъ сказать. Затѣмъ, гг. судьи, я не стану занимать васъ вопросомъ объ образѣ жизни солдатъ, о ихъ пьянствѣ, о безпатентной торговлѣ водкою и т. п., потому что считаю ихъ несущественными. Также для меня безразличенъ и послужной списокъ Мусорова; я признаю что это хорошій служака, человѣкъ отличнаго поведенія. Люди, обвиняемые въ убійствѣ или нанесеніи тяжкихъ ранъ въ запальчивости и раздраженіи, часто—весьма порядочные люди; нравственной испорченности въ нихъ нѣтъ и въ моментъ совершенія преступленія играютъ роль физіологическія причины. Слѣдовательно, хорошее поведеніе обвиняемаго не можетъ служить оправданіемъ совершеннаго преступленія. Устраняя такимъ образомъ всѣ эти привходящіе элементы, я перехожу къ изслѣдованію самаго факта, какъ онъ выясненъ на судѣ.

Вы, Гг. Судьи!—были сами очевидцами тѣхъ трудностей, которыя намъ пришлось преодолѣвать, благодаря незнакомству крестьянъ свидѣтелей съ русскимъ языкомъ. Это обстоятельство отозвалось невыгодно и на собираніи свѣдѣній по дѣлу, и вслѣдствіе этого явились тѣ противорѣчія въ показаніяхъ, которыя вы выслушали. Это незнаніе языка имѣло еще то неудобство, что крайне мелкіе, но имѣющіе извѣстное значеніе, факты и оттѣнки скрылись отъ вашего вниманія, а съ другой стороны въ показаніяхъ нижнихъ чиновъ высказываются не только собственныя соображенія, напримѣръ о томъ, что всѣхъ солдатъ крестьяне хотѣли убить, отнять оружіе и такъ далѣе, но приводятся даже разговоры крестьянъ на русскомъ языкѣ, а именно: «стрѣляютъ холостыми зарядами, не бойся; не смѣютъ въ насъ стрѣлять». Выраженіе—«стрѣляютъ холостыми зарядами», есть выраженіе техническое, недоступное пониманію крестьянъ, слѣдовательно едва ли они его употребляли. Кромѣ того, хотя нѣкоторые понимаютъ по русски, но, находясь въ возбужденномъ состояніи, и при томъ же, какъ старается доказать защита, находясь въ заговорѣ, крестьяне несомнѣнно, должны были говорить не по русски, а на своемъ родномъ языкѣ. Вообще, характеризуя показанія свидѣтелей по настоящему дѣлу, ихъ необходимо раздѣлить на два различныя теченія: на показанія всѣхъ крестьянъ и на показанія всѣхъ чиновъ таможеннаго вѣдомства. Какъ тѣ, такъ и другія показанія отличаются единствомъ интереса, полною солидарностью каждой группы, но противоположностію между обѣими группами. Фактъ этотъ объясняется весьма естественно. Нѣтъ сомнѣнія, что солидарность интересовъ между крестьянами существуетъ: они одинаковаго развитія, живутъ въ одинаковой обстановкѣ, имѣютъ одинаковое понятіе и этотъ фактъ убійства, который совершился на ихъ глазахъ, произвелъ на нихъ весьма сильное и одинаковое впечатлѣніе, такъ что ихъ

предположенія и объясненія мотивовъ одинаковы. Правда, есть нѣкоторыя противорѣчія въ фактической передачѣ происшествія, и я постараюсь въ этихъ разпорѣчіяхъ постязаться. Нѣкоторые изъ крестьянъ показываютъ иначе, чѣмъ случилось на самомъ дѣлѣ, но это происходитъ отъ того, что они испугались, что боятся быть замѣшанными сами и потому каждый старается отвергнуть какое нибудь обстоятельство, которое въ дѣйствительности имѣло мѣсто. Такъ напримѣръ нѣкоторые говорятъ, что никого не было, что ссоры не происходило, что свидѣтель самъ въ толпѣ не былъ, словомъ, каждый желаетъ выгородить себя. Можетъ быть они и сами не могутъ оріентироваться во всемъ этомъ, но, во всякомъ случаѣ, нѣкоторыя показанія не вѣрны. Но судя по обстановкѣ, въ которой крестьяне находились, судя по отношенію ихъ къ тѣмъ людямъ, которые были убиты, я долженъ дать достаточную вѣру тѣмъ показаніямъ, которыя въ общемъ характеризуютъ дѣло такъ, какъ оно было въ дѣйствительности. Съ другой стороны, не менѣе сомнѣнія можетъ быть и въ достовѣрности показаній нижнихъ чиновъ, на что указываетъ заученность этихъ показаній; эти свидѣтели показываютъ такъ, какъ будто рапортуютъ и ни слова не измѣняютъ въ своемъ показаніи, за исключеніемъ только количества толпы, причемъ одни насчитываютъ 50 человѣкъ, а другіе 200. Такого рода показанія, излагаемые почти литературнымъ языкомъ, очевидно заготовленныя ранѣе, вполнѣ объясняютъ солидарность этихъ свидѣтелей между собою, тѣмъ болѣе, что всѣ они являются потерпѣвшими. Наконецъ они хорошо понимаютъ, что показанія ихъ необходимы въ виду общей постановкѣ дѣла. Я нисколько не обвиняю ихъ въ лжесвидѣтельствѣ, но тѣмъ не менѣе пониманіе факта, какъ онъ случился, какъ мы сами лично могли бы его чувствовать, при устной передачѣ другимъ, будетъ отличаться отъ дѣйствительности даже при нашей передачѣ, а тѣмъ болѣе онъ будетъ отличаться у простаго народа, который по своему понимаетъ извѣстный фактъ, и онъ добросовѣстно можетъ думать, что говоритъ правду, хотя самый фактъ совершился не такъ, какъ онъ передаетъ. Слѣдовательно, даже невѣрное показаніе свидѣтеля не можетъ быть объясняемо злою волею и корыстнымъ побужденіемъ, а обстоятельствами вполнѣ естественными и зависящими отъ развитія, отъ обстановки, вообще отъ условій жизни свидѣтеля. Теперь я разсмотрю, какъ произошло это прискорбное событіе по показанію нижнихъ чиновъ. Они показываютъ, что Мусоровъ пошелъ на свадьбу съ цѣлью слѣдить за контрабандой, но тамъ былъ побитъ. Онъ выбѣжалъ, и за нимъ бросилась толпа крестьянъ съ кольями и полѣньями и произвела атаку на часоваго и кордонъ съ цѣлью избить солдатъ, отнять ружья и взять кордонъ, слѣдовательно въ дѣйствіяхъ толпы предполагается сговоръ, но Мусоровъ нашелъ нужнымъ стрѣлять и убилъ двухъ крестьянъ. Здѣсь главною характеристическою чертою этихъ показаній выступаетъ заговоръ, во главѣ котораго является таинственная личность Бакчіева, который подкупилъ крестьянъ, и нарочно для того съигралъ свадьбу. Я безусловно отвергаю всѣ тѣ причины, которые заставили бы людей нападать на караулъ, потому, что какъ бы крестьяне ни были неопытны, но они не могли не знать, что подобное нападеніе пройти не можетъ даромъ. Да наконецъ оно совершенно безцѣльно, потому что будь хотя это контрабандисты, если они изобьютъ однихъ, то вмѣсто ихъ будутъ другіе. Если предполагать, что

кондужскіе крестьяне занимались контрабандой, то имъ гораздо лучше было нападать на стражниковъ по одиночкѣ, а не производить открытаго нападенія на весь кордонъ. По этимъ основаніямъ я ни какъ не могу объяснить это происшествіе предварительнымъ соглашеніемъ, а отношусь вполнѣ отрицательно къ показаніямъ нѣкоторыхъ свидѣтелей о существованіи заговора и въ особенности къ показанію Безкоровайнаго, который видѣлъ, что Вакчіевъ возитъ съ собою колья, нарочно заготовленныя для убійства. Отвергая такимъ образомъ сговоръ, необходимо признать съ другой стороны, что столкновеніе крестьянъ съ нижними чинами дѣйствительно происходило, причемъ были употреблены извѣстныя орудія нападенія. Но въ какихъ формахъ выразилось это нападеніе? Вы, конечно, обратили вниманіе на показаніе нижнихъ чиновъ, которые говорили: что ихъ били такіе-то крестьяне, именно тѣ крестьяне, которыхъ показанія были невыгодны для стражниковъ. Желая поэтому объективно построить мои соображенія, я остановлюсь на показаніяхъ запаснаго рядоваго Ермолаева и свидѣтелей Алексѣева, Харлаева и Рѣпіева, вызванныхъ защитою. Ермолаевъ показываетъ, что уйдя со свадьбы онъ услышалъ выстрѣлы, остановился и на разстояніи 30 шаговъ наблюдалъ выстрѣлы солдатъ и послѣдній выстрѣлъ Мусорова. Онъ стоялъ около дома Орестова и видѣлъ какъ Мусоровъ перебѣжалъ черезъ дорогу и выстрѣлилъ, находясь около дома Пименова. Это подтверждаютъ и всѣ другіе крестьяне. Этому обстоятельству я придаю весьма важное значеніе и считаю, что послѣдній выстрѣлъ былъ сдѣланъ Мусоровымъ не съ того мѣста, гдѣ стоялъ часовой, а отъ крыльца дома Пименова. Свидѣтель Алексѣевъ, давшій вообще выгодныя для подсудимаго показанія, говоритъ, что двери сарая были заперты, что онъ и Кузнецъ помогли Мусорову оттуда освободиться, что за Мусоровымъ бросилась толпа, бросавшая въ него полѣнья, которыхъ свидѣтель насчиталъ 13 или 18-ть. Вообще противъ количества полѣньевъ и другихъ орудій нападенія я не возражаю; я признаю, что были въ работѣ полѣнья, что ими выбито окно въ домѣ Лушкина, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаю и то, что полѣнья были въ работѣ не только со стороны крестьянъ, но и со стороны солдатъ. Что касается камней то о нихъ только вскользь упоминали нѣкоторые. Хотя фельдшеръ говоритъ о большомъ количествѣ орудій нападенія, которые онъ будто бы видѣлъ, но урядникъ ихъ не замѣтилъ. Подсудимый Мусоровъ утверждаетъ, что урядникъ приказалъ убрать эти орудія, но заявленіе это не имѣетъ здраваго основанія. Однимъ словомъ, относительно этого обстоятельства оказывается, что одни свидѣтели видѣли огромную массу этихъ орудій нападенія, а другіе свидѣтели, смотрѣвшіе раньше мѣстность происшествія, этихъ орудій не видали, такъ что надо этотъ вопросъ совершенно выкинуть изъ числа доказательствъ. Я уже сказалъ, что признано, что полѣнья были въ ходу, потому что они могли быть подъ руками, но совершенно отвергаю камни и колья, тѣмъ болѣе колья заготовленныя, для чего нужно было время. Затѣмъ Алексѣевъ показалъ, что полѣнья летали съ обѣихъ сторонъ. Здѣсь является вопросъ о тѣхъ поврежденіяхъ, которыя были нанесены нижнимъ чинамъ. Подсудимый и его товарищи говорятъ, что было прямое нападеніе, но это есть показанія потерпѣвшихъ. Къ сожалѣнію, я лишенъ возможности остановиться на показаніяхъ свидѣтеля Самсонова, такъ какъ я самъ не считалъ возможнымъ приводить его къ присягѣ и потому оста-

повлюсь лишь на показаніи, Тропіева, поддержаннаго Хащевымъ. Они показываютъ, что Самсоновъ получилъ рану раньше выстрѣловъ и что между нанесеніемъ раны и выстрѣлами прошло около получаса, Слѣдовательно, тогда необходимая оборона не имѣла мѣста и возбужденія толпы еще не было въ то время. У нижнихъ чиновъ дѣйствительно оказались повреждения.

Это несомнѣнно, потому что полѣньями бросались, но почему это бросаніе произошло, остается невыясненнымъ. Отвергая всѣ заговоры, контрабанду и политику, я долженъ остановиться на вопросѣ о томъ, не было ли тутъ болѣе конкретной и ближайшей причины. Въ этомъ отношеніи нельзя не довѣрять показаніямъ нѣкоторыхъ свидѣтелей. Такъ Максимъ Богдановъ, объясняя о долгѣ присяги, показываетъ, что Николаевъ не ударилъ Мусорова, между тѣмъ какъ самъ Мусоровъ утверждаетъ, что Николаевъ былъ одинъ изъ зачинщиковъ. Онъ былъ почетнымъ гостемъ, его по обычаю встрѣчалъ братъ жениха, который подносилъ ему водку.

Извѣстно, что крестьяне весьма чтутъ свои обычаи, а между тѣмъ Мусоровымъ этотъ обычай былъ нарушенъ, такъ какъ онъ сказалъ Николаеву: «вина какъ ломается» и при этомъ вырвалъ у него водку и выпилъ.

Вамъ говорятъ, что тутъ былъ заговоръ, но если это такъ, то начальникъ воинской силы долженъ былъ держаться осторожно, не таскаться по свадьбамъ и не нарушать обычаевъ. Но свидѣтели удостовѣрили, что въ началѣ вражды съ Мусоровымъ не было, что онъ пришелъ на свадьбу по приглашенію—очевидно натянутыхъ отношеній между крестьянами и Мусоровымъ не было. Но, явясь на свадьбу, Мусоровъ сразу возбудилъ противъ себя крестьянъ. Послѣ того, какъ онъ вырвалъ водку у Николаева, онъ вошелъ въ сарай и тамъ толкалъ танцующихъ, слѣдовательно вторично возбудилъ противъ себя неудовольствіе. Оно увеличилось отъ того, что Мусоровъ былъ чужой человѣкъ среди крестьянъ, а вамъ извѣстно, какъ недружелюбно относятся крестьяне къ чужому имъ человѣку. Тутъ было достаточно малѣйшаго повода къ неудовольствію, а Мусоровъ не умѣлъ сохранить должнаго такта. Можетъ быть дѣйствительно его хотѣли побить, но тутъ не могло быть никакого предварительнаго заговора. При этомъ, можетъ быть, кто нибудь прижалъ двери, но вообще безчинства въ сараѣ не было. Это удостовѣрилъ свидѣтель Алексѣевъ. Хотя г. защитникъ настаивалъ, что свидѣтель убѣжалъ испуганный изъ сарая, но Алексѣевъ говоритъ, что онъ не испугался и спокойно вышелъ изъ сарая. Когда Мусоровымъ было возбуждено неудовольствіе въ крестьянахъ и когда онъ побѣжалъ изъ сарая, то, можетъ быть, нѣкоторые погнались за нимъ и бросили ему вслѣдъ нѣсколько полѣньевъ. Такова по моему мнѣнію была завязка этого дѣла. Затѣмъ толпа стала бросать палки, а Мусоровъ, вызвавъ команду, приказалъ ей стрѣлять сначала вверхъ, а потомъ въ ноги и наконецъ выстрѣлилъ самъ. Такимъ образомъ, я полагаю, что хотя было столкновеніе крестьянъ съ солдатами, но выстрѣлы вверхъ должны были устрашить толпу и она дѣйствительно отступила. Богдановъ вмѣстѣ съ Гусенковымъ говорятъ, что когда они сдѣлали три выстрѣла на воздухъ у казармы, то толпа ушла. Вамъ извѣстно, что выстрѣлы имѣютъ значительное нравственное вліяніе на толпу. Затѣмъ показаніе Харлаева, Ермолаева и всѣхъ остальныхъ крестьянъ сводятся къ тому,

что когда солдаты начали стрѣлять, толпа отошла отъ поста часоваго и стояла у дома Орестова, слѣдовательно, въ 60-ти шагахъ отъ часоваго. Подтвержденіемъ этого факта служитъ мѣстность, гдѣ упали пораженные пулею Матвѣевъ и Николаевъ. Далѣе Ермолаевъ и Лушкинъ удостовѣряютъ, что Мусоровъ цѣлился и что онъ стрѣлялъ, стоя около крыльца дома Пименова. Это обстоятельство удостовѣряется и актами осмотра мѣстности, изъ которыхъ одинъ былъ составленъ по убѣжденію судебнаго слѣдователя и прокурора, а другой, по убѣжденію присутствовавшаго на слѣдствіи капитана Чарковскаго. Я долженъ сказать, что если капитанъ Чарковскій былъ допущенъ присутствовать при допросѣ свидѣтелей гражданскаго вѣдомства, что совершенно незаконно, то слѣдствіе, конечно, не было произведено во вредъ обвиняемому. Разсмотримъ эти акты осмотра; возьмемъ прежде всего разстояніе отъ дома Пименова до дома Михіева». (Здѣсь г. прокуроръ на основаніи актовъ осмотра и плана мѣстности доказывалъ, что основаніе траекторіи, полета пули, составленной на предварительномъ слѣдствіи неправильно, изъ чего онъ выводилъ, что Мусоровъ сдѣлалъ послѣдній выстрѣлъ не съ поста часоваго, а отъ крыльца дома Пименова, т. е., когда толпа, послѣ первыхъ выстрѣловъ, отошла и, слѣдовательно, нападенія уже не было, причемъ второй актъ осмотра онъ признавалъ «быть можетъ очень остроумнымъ, но не имѣющимъ значенія»).

Послѣ краткаго перерыва г. обвинитель продолжалъ: «Такимъ образомъ, гг. судьи, я считаю установленнымъ тотъ фактъ, что 10-го ноября, во время столкновенія крестьянъ съ нижними чинами, уже послѣ окончанія столкновенія, когда толпа отступила отъ поста часоваго, Мусоровъ пробѣжалъ шаговъ 15-ть отъ мѣста часоваго къ крыльцу дома Пименова и оттуда произвелъ въ народъ выстрѣлъ, которымъ были убиты Тимофѣевъ и Николаевъ. Въ виду вашего вниманія, съ которымъ вы слѣдили за показаніями свидѣтелей, я не считаю нужнымъ приводить вамъ на память показанія другихъ свидѣтелей, напримѣръ, показаніе о томъ, какъ 80-ти-лѣтній старикъ Мушкинъ хотѣлъ вырвать у часоваго ружье и т. п. Вы оцѣните всѣ подобныя показанія относительно опасности, угрожавшей караулу и тѣхъ средствъ, которые употребили крестьяне для нападенія. Во всякомъ случаѣ, если и признать, что было преслѣдованіе Мусорова и что оно могло распространиться и далѣе, то никакъ не вслѣдствіе какого-то заговора. О подсудимомъ Мусоровѣ его начальникъ далъ хорошую аттестацію, но аттестація эта не можетъ играть той роли, какъ при другихъ преступленіяхъ, а съ другой стороны, изъ показанія свидѣтелей вы знаете, что это человѣкъ жестокосердый, который не любитъ особенно церемониться и деликатностью чувствъ не отличается. Такъ, свидѣтель Буттіевъ говорилъ, что, когда онъ производилъ измѣреніе мѣстности, Мусоровъ заявлялъ крестьянамъ, что убьетъ 50 человѣкъ. Такимъ образомъ, всѣ обстоятельства настоящаго дѣла указываютъ на то, что происшествіе не было вызвано служебными отношеніями, а произошло отъ случайной ссоры, причиною которой былъ самъ подсудимый. Относительно его характера припомните случай съ его подчиненнымъ Лепинскимъ. Я еще первый разъ встрѣчаюсь съ такимъ случаемъ, чтобы нижній чинъ убѣжалъ отъ своего начальника и явился подъ покровительство другаго начальства. Изъ этого можно заключить каково было поведеніе Мусорова. Я полагаю, что совершенно въ характерѣ этого человѣка съ такими животными

наклонностями, самый фактъ убійства послѣ того, когда толпа отошла, и народъ стоялъ относительно спокойно. Я думаю, что подобный фактъ не можетъ остаться безпаказаннымъ. Жизнь человѣка требуетъ извѣстнаго возмездія и въ данномъ случаѣ не находится на лицо тѣхъ обстоятельствъ, по которымъ законъ даетъ право необходимой обороны. По этимъ основаніямъ я поддерживаю обвиненіе противъ Мусорова и измѣняю только выводъ обвинительнаго акта относительно выраженій. Я обвиняю Мусорова въ томъ, что 10-го ноября 1882 года будучи на свадьбѣ, поссорившись тамъ съ крестьянами и будучи преслѣдуемъ ими, вызвалъ нижнихъ чиновъ, которымъ приказалъ сдѣлать выстрѣлъ на воздухъ, а затѣмъ самъ, по удаленіи толпы и будучи въ раздраженномъ состояніи, выбѣжалъ за постъ часоваго на 15 шаговъ и, прицѣливши, выстрѣлилъ въ толпу, вслѣдствіе чего были убиты два крестьянина. Другія обвиненія я оставляю въ томъ видѣ, какъ они имѣются въ обвинительномъ актѣ. Затѣмъ, я полагаю, къ дѣянію Мусорова слѣдуетъ примѣнить 1455 и 1483 ст. ул. о нак.; послѣдняя относительно нанесенія ранъ.

Приведя текстъ 1455 ст., г. прокуроръ полагалъ признать въ дѣйствіяхъ подсудимаго запальчивость и раздраженіе и въ виду того, что со стороны толпы ему было нанесено оскорбленіе и поврежденія, онъ находилъ возможнымъ ограничиться низшею мѣрою наказанія, т. е. ссылкою въ Сибирь на поселеніе.

Защитникъ подсудимаго, полковникъ Щербаковъ. Гг. судьи! Судебное слѣдствіе освѣтило намъ съ достаточною ясностію и реальностію, что весь смыслъ прискорбнаго происшествія въ д. Кондушахъ слагается изъ двухъ слѣдующихъ явленій, а именно: во 1-хъ, что 10-го ноября минувшаго 1882 г., крестьяне дер. Кондуши дозволили себѣ вооруженное нападеніе на чиновъ пограничной стражи и въ особенности на вахмистра Мусорова, и во 2-хъ, что вахмистръ Мусоровъ и часовой Величкинъ, вслѣдствіе сего нападенія, произвели выстрѣлы въ нападавшую на нихъ толпу, которыми и нанесли смертельныя раны двумъ крестьянамъ: Якову Матвѣеву и Оедору Николаеву, и, сверхъ того,— легкія раны крестьянину Тропіеву и финляндцу Самсонову. Сопоставляя эти два явленія, мнѣ кажется, не трудно видѣть, что если бы не было *нападенія*, то не было бы никакой необходимости *и въ отраженіи нападенія*, а отсюда, по естественной и логической послѣдовательности, вытекаетъ, что для того, чтобы произвести безошибочную юридическую оцѣнку дѣйствіямъ вахмистра Мусорова, т. е., дѣйствовалъ-ли онъ при нападеніи на него крестьянъ *преступно* или же *законно*,—существенно,— необходимо самымъ тщательнымъ образомъ выяснить не только характеръ самого нападенія кондушскихъ крестьянъ, но и тѣ побудительныя причины, тѣ мотивы, подъ вліяніемъ которыхъ кондушскіе крестьяне отважались произвести нападеніе на чиновъ пограничной стражи. Для осуществленія таковой цѣли, я считаю себя нравственно-обязаннымъ, предварительно, пригласить васъ, гг. судьи, мысленно послѣдовать за мною, на одну минуту, въ сферу тѣхъ особыхъ, бытовыхъ условій пограничной стражи и тѣхъ своеобразныхъ отношеній, которыя существуютъ между стражею и пограничными жителями. На основаніи дѣйствующихъ постановленій устава таможеннаго, пограничная стража есть спеціальная военная сила въ государствѣ, призванная охранять государственныя границы не только въ таможенномъ, но и въ полити-

ческомъ и полицейскомъ отношеніяхъ. Само собою понятно, что, при выполненіи таковыхъ спеціальныхъ служебныхъ обязанностей, пограничная стража поставлена въ самыя неблагопріятныя отношенія къ такъ называемымъ приграничнымъ жителямъ, т. е. къ лицамъ, живущимъ въ предѣлахъ 7-ми верстной полосы отъ государственной границы во внутрь имперіи (ст. 44 уст. там.). На пограничную стражу силою самаго закона возлагается обязанность зорко слѣдить за дѣятельностью приграничныхъ жителей и принимать своевременныя мѣры, если въ комъ либо изъ таковыхъ жителей будетъ замѣчено намѣреніе нарушить дѣйствующія на границахъ постановленія. Въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ, я признаю умѣстнымъ сослаться на дѣйствующій законъ, а именно: на 336 ст. уст. таможен., въ которой сказано, что *«чины пограничной стражи дѣйствуютъ во всемъ по уставу и по инструкціямъ и предписаніямъ, отъ начальства даннымъ»*; а въ § 25 инструкціи чинамъ пограничной стражи, между прочимъ, прямо предписано: *«неослабно присматривать за поступками приграничныхъ жителей»*.

Съ своей стороны приграничные жители, въ большинствѣ случаевъ, предпочитаютъ своимъ обыкновеннымъ сельскимъ занятіямъ болѣе выгодное занятіе контрабандною промышленностію. Подобное предпочтеніе вполнѣ понятно. Сельскія занятія нерѣдко, при самомъ крайнемъ напряженіи силъ, даютъ весьма скудныя заработки, а слѣдовательно и скудныя средства къ существованію. Контрабандная же промышленность, напротивъ того, представляя постоянную смѣну напряженія и отдыха, открываетъ для приграничныхъ жителей полную возможность обогащаться *легко* и *быстро*. Поэтому, во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ пограничная стража не смотритъ на дѣло сквозь пальцы,— гдѣ она зорко слѣдитъ, такъ сказать, за каждымъ шагомъ каждаго приграничнаго жителя и точно исполняетъ свои законныя спеціальныя обязанности,—тамъ между стражею и жителями всегда возникаютъ сперва различныя мелкія недоразумѣнія, затѣмъ натянутыя отношенія, ссоры, которыя въ концѣ концовъ разрѣшаются какимъ либо болѣе или менѣе серьезнымъ пограничнымъ происшествіемъ. При подобныхъ происшествіяхъ происходитъ обыкновенно то явленіе, что всѣ жители стараются дѣйствовать за одно, т. е., пользуясь удобнымъ случаемъ, даютъ единогласныя ложныя показанія и вообще пускаютъ въ ходъ всѣ возможныя и невозможныя средства съ тою исключительною и единственною цѣлью, чтобы сбыть изъ своей мѣстности того чина пограничной стражи, который является для нихъ неудобнымъ. Такія единогласныя показанія переходятъ чрезъ перо судебнаго слѣдователя въ слѣдственное производство,—затѣмъ повторяются на судѣ, и, такимъ образомъ, составляя благодарный обвинительный матеріалъ, даютъ всякій разъ для лица прокурорскаго надзора полную возможность добросовѣстно убѣдить судъ, что такой-то чинъ пограничной стражи есть дѣйствительный преступникъ, котораго слѣдуетъ безпощадно сослать въ каторжныя работы. Поэтому-то во всѣхъ пограничныхъ происшествіяхъ отнюдь нельзя оцѣнивать доказательную силу свидѣтельскихъ показаній приграничныхъ жителей по тому общему шаблону, — какъ напримѣръ, въ грабежѣ, кражѣ со взломомъ, побѣгѣ, промотаніи мундирныхъ вещей и т. п. преступленіяхъ, — гдѣ свидѣтелями являются люди, въ большинствѣ случаевъ, не заинтересованные и, слѣдовательно, совершенно безпристрастные. Такимъ образомъ, очевидно, что въ дѣлѣ, подобномъ

настоящему, къ показаніямъ свидѣтелей изъ приграничныхъ жителей необходимо относиться съ самою крайнею осторожностью, и почти всегда надо имѣть въ виду возможность, что между ними могло установиться предпамѣренное соглашеніе. Вотъ вамъ, гг. судьи, въ бѣгломъ очеркѣ дѣйствительная картина тѣхъ отношеній, которыя существуютъ между пограничною стражею и приграничными жителями.

Теперь перейдемъ къ дѣлу Мусорова. Въ настоящемъ дѣлѣ всѣ свидѣтели могутъ быть раздѣлены на три группы: къ первой отношу Кондушскихъ крестьянъ, нападавшихъ на стражу, ко второй — чиновъ пограничной стражи, отражавшихъ нападеніе, и къ третьей — лицъ, которыя не могутъ быть причислены ни къ первой, ни ко второй группѣ и которыя являются совершенно незаинтересованными въ дѣлѣ. Приступая къ разбору показаній свидѣтелей первой группы, я позволю себѣ, прежде всего, обратить ваше вниманіе на показанія крестьянъ, *нападавшихъ, но не признающихъ своего нападенія*. Возьмемъ показаніе Ивана Хапуева. Этотъ свидѣтель говоритъ, что вечеромъ 10 ноября прошлаго года онъ проходилъ мимо часоваго, видѣлъ Мусорова и другихъ чиновъ, и самъ никакого нападенія на нихъ не дѣлалъ. Между тѣмъ, Мусоровъ удостовѣряетъ, что онъ ударилъ Хапуева нѣсколько разъ по шеѣ револьверомъ, именно за то, что послѣдній нападалъ на него съ палкою въ рукахъ, причемъ показаніе вахмистра Мусорова подтверждается показаніями часоваго Величкина и нижнихъ чиновъ: Безкоровайнаго и Литвинова, которые видѣли собственными глазами какъ, Иванъ Хапуевъ напалъ на Мусорова, и какъ послѣдній нанесъ ему ударъ револьверомъ. Спрашивается: какому же показанію слѣдуетъ отдать предпочтеніе? Я полагаю, что необходимо болѣе вѣрить показаніямъ нижнихъ чиновъ, чѣмъ Хапуеву, на томъ простомъ и естественномъ основаніи, что Хапуевъ былъ самъ нападающій, и, слѣдовательно, не можетъ показывать безпристрастно, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ ему пришлось бы показывать противъ самого себя же въ нападеніи на караулъ. Тоже самое приходится сказать и относительно другаго нападавшаго крестьянина Трошіева, который показалъ намъ, что въ тотъ же вечеръ онъ остановился у дома Лушкина и вдругъ на него ни съ того ни съ сего набросился Мусоровъ и нанесъ ему штыкомъ рану въ голову, отъ которой онъ упалъ и пролежалъ цѣлый часъ безъ памяти. Мнѣ кажется, что это показаніе такъ и дышетъ полною невѣроятностію уже потому, что безъ побудительной причины Мусоровъ отнюдь не могъ нанести рану крестьянину Трошіеву. Слѣдовательно и этому показанію нельзя давать вѣры, такъ какъ Трошіевъ—лицо, очевидно тоже заинтересованное скрыть слѣды своего преступнаго нападенія на караулъ. Затѣмъ, показаніе Евдокима Лушкина заключается въ томъ, что 10 ноября вечеромъ онъ услышалъ три выстрѣла и послѣ того легъ спать и заснулъ. Спустя нѣкоторое время его разбудила его невѣстка Матрена Лушкина и сказала, что нижніе чины разбили стекло; онъ вышелъ и послалъ за десятскимъ; въ тоже время онъ видѣлъ, какъ Мусоровъ разгуливаетъ въ красной рубахѣ. Наконецъ онъ, Лушкинъ, видѣлъ, какъ Мусоровъ положилъ ружье на крыльцо дома Пименова и произвелъ тотъ именно выстрѣлъ, которымъ были убиты двое крестьянъ. Вы слышали, гг. судьи, что стражникъ Величкинъ на мой вопросъ: сколько времени прошло между первыми тремя выстрѣлами и послѣднимъ?—объяснилъ, что не болѣе какъ

минутъ 5—10. Такимъ образомъ, изъ показанія Лушкина оказывается, что онъ въ теченіи 10 минутъ, т. е. въ промежутокъ времени между первыми тремя и послѣднимъ выстрѣломъ успѣлъ заснуть, выспаться, быть разбуженнымъ, одѣться, выйти на улицу, послать за десятскимъ, имѣть съ нимъ разговоръ и вернуться домой. Мнѣ кажется, что явная неправдоподобность въ показаніи Лушкина не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Понятно, что Лушкинъ заинтересованъ только тѣмъ, чтобы скрыть, что онъ хотѣлъ вырвать ружье изъ рукъ часоваго Величкина, такъ какъ очень хорошо понимаетъ, что за это онъ можетъ быть самъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности. Далѣе, свидѣтель Самсоновъ показалъ, что вечеромъ онъ пришелъ изъ Финляндіи въ Кондуши, прошелъ мимо дома Лушкина и услыхалъ выстрѣлы. Тогда онъ повернулся и увидалъ предъ собою Мусорова, идущаго на него со штыкомъ, онъ испугался и схватился за штыкъ. Кажется не трудно видѣть, что и показаніе Самсонова неправдоподобно. Если свидѣтель шелъ изъ Финляндіи, то часовой Величкинъ долженъ былъ неизбѣжно его видѣть, потому что часовой и ставится на этомъ посту единственно для того, чтобы смотрѣть за лицами, прибывающими изъ Финляндіи. Затѣмъ Самсоновъ говоритъ, что испугался штыка. Но извѣстно, что когда человѣкъ пугается, то онъ, по естественному чувству самосохраненія, бѣжитъ отъ опасности. Между тѣмъ, Самсоновъ самъ бросается на Мусорова и съ такою силою схватывается за штыкъ, что штыкъ этотъ оказывается совершенно изогнутымъ. Мнѣ кажется, что подобное дѣйствіе отнюдь не доказываетъ испуга, а, напротивъ того, ясно обнаруживаетъ, что самъ Самсоновъ имѣлъ прямое намѣреніе вырвать ружье изъ рукъ вахмистра Мусорова и конечно пустить его въ ходъ. Слѣдовательно и этотъ свидѣтель, очевидно, участвовалъ въ нападеніи. Такимъ образомъ оказывается, что отъ поименованныхъ крестьянъ невозможно ожидать безпристрастныхъ показаній, на томъ основаніи, что они не могутъ изобличать самихъ себя въ вооруженномъ нападеніи на караулъ. Затѣмъ, перехожу къ слѣдующему вопросу: въ чемъ былъ одѣтъ Мусоровъ въ тотъ моментъ, когда онъ производилъ выстрѣлы на воздухъ и затѣмъ въ толпу? Здѣсь является цѣлая масса противорѣчащихъ показаній, а именно: Евд. Лушкинъ говоритъ, что Мусоровъ былъ въ красной рубашкѣ; Исаковъ на предварительномъ слѣдствіи сказалъ, что въ красной, а здѣсь, на судѣ, что не помнитъ; Алексѣй Тропіевъ сказалъ, что въ бѣлой; Яковъ Тропіевъ, что въ синей и т. д. Между тѣмъ, изъ показаній всѣхъ нижнихъ чиновъ, которые въ то время находились около Мусорова, оказывается, что онъ былъ въ мундирѣ. Само собою понятно, что отъ того, въ чемъ былъ одѣтъ Мусоровъ, отнюдь не зависитъ большая или меньшая степень его виновности и я обращаю ваше вниманіе на это обстоятельство только потому, что если эти свидѣтели всѣ стояли около Мусорова, — если они непосредственно своими глазами видѣли его, то спрашивается: какимъ же образомъ у нихъ является такое поразительное противорѣчіе въ показаніяхъ? Очевидно, что свидѣтелямъ необходимо было доказать, что вахмистръ Мусоровъ былъ пьянъ и, какъ человѣкъ пьяный, былъ въ рубашкѣ, по какого цвѣта была рубашка, въ этомъ они между собою не согласились, какъ показывать, и тѣмъ самымъ явнымъ образомъ обнаружили искусственность своихъ показаній. Отсюда я позволяю себѣ сдѣлать тотъ логическій и естественный выводъ, что если свидѣ-

тели согласились показать неправду въ одномъ фактѣ, то и всѣ ихъ показанія не могутъ заслуживать ни малѣйшаго довѣрія. Далѣе, перехожу къ вопросу о томъ, съ какого именно мѣста Мусоровъ произвелъ свой послѣдній выстрѣлъ, которымъ были убиты двое крестьянъ?; относительно этого весьма важнаго факта мы имѣемъ слѣдующія показанія: Евд. Лушкинъ, Петръ Лушкинъ, Хапуевъ, Тропіевъ, Ермолаевъ и другіе свидѣтели, единогласно, показали, что Мусоровъ стрѣлялъ, будто-бы, съ крыльца дома Пименова. Я считаю это обстоятельство до такой степени важнымъ въ настоящемъ дѣлѣ, что если оно дѣйствительно существовало, то безъ сомнѣнія Мусоровъ безусловно виноватъ, такъ какъ если онъ могъ свободно дойти до крыльца дома Пименова, то это доказываетъ, что на улицѣ никакой толпы не было и самаго нападенія быть не могло. Между тѣмъ, изъ единогласныхъ показаній всѣхъ нижнихъ чиновъ пограничной стражи, а равно и финляндца Алексѣева, видно, что кондушскіе крестьяне, въ числѣ свыше 100 человѣкъ, произвели нападеніе на стражу на томъ именно мѣстѣ, гдѣ стоитъ часовой. Такимъ образомъ, чтобы пройти къ крыльцу дома Пименова, Мусоровъ долженъ былъ пробиться сквозь окружавшую его толпу, долженъ былъ, такъ сказать, аттаковать ее, что, разумѣется, было физически невозможно. Наконецъ изъ дополнительнаго протокола осмотра мѣстности видно, что Мусоровъ даже и не могъ произвести послѣдняго выстрѣла отъ крыльца дома Пименова, такъ какъ въ означенномъ протоколѣ самимъ судебнымъ слѣдователемъ удостовѣрено, что съ крыльца дома Пименова невозможно видѣть лѣвой стороны крыльца дома Микіева, гдѣ остался слѣдъ отъ попавшей пули. Стало быть, показанія Кондушскихъ крестьянъ, что Мусоровъ стрѣлялъ съ крыльца дома Пименова, не заслуживаютъ довѣрія и надо полагать, что показанія эти придуманы для того, чтобы убѣдить Васъ, Гг. Судьи, что на улицѣ вовсе не было толпы, и не могло быть нападенія на чиновъ пограничной стражи. Разобравъ главнѣйшія показанія Кондушскихъ крестьянъ, я позволю себѣ спросить Васъ, Гг. Судьи, можно-ли вѣрить этимъ показаніямъ? Конечно нѣтъ... а между тѣмъ вся доказательная сила обвинительной рѣчи г. прокурора основана исключительно на показаніяхъ этихъ крестьянъ.

Затѣмъ, переходя ко второй и третьей группѣ свидѣтелей я долженъ обратить ваше вниманіе на слѣдующія показанія: Капитанъ Чарковскій удостовѣрилъ, что Бакчіевъ имѣлъ злобу на Мусорова за то, что послѣдній задержалъ его съ контрабандными мѣхами и нанесъ ему убытокъ до 600 руб. Затѣмъ свидѣтель Безкоровайный показалъ, что Бакчіевъ похвалялся ему нѣсколько разъ въ лицо, что онъ всѣхъ кондушскихъ крестьянъ подкупитъ за 25 руб., чтобы отомстить пограничной стражѣ за это задержаніе. Далѣе, Терентій Николаевъ показалъ, что онъ пригласилъ Мусорова на свадьбу, очевидно, съ тѣмъ, какъ это и оказалось впослѣдствіи,—чтобы тамъ его побить. Наконецъ, изъ показанія Финляндца Алексѣева и стражника Максима Богданова оказывается, что Мусоровъ, находясь въ сараѣ, никого не трогалъ и что, напротивъ того, на него напали, при чемъ дверь сарая была заперта, очевидно, съ цѣлью дать возможность побить Мусорова. Сопоставляя всѣ эти показанія, необходимо придти къ тому заключенію, что нападеніе крестьянъ на чиновъ пограничной стражи совершилось не иначе, какъ по заранѣе обдуманному намѣренію, по плану, заранѣе

составленному. Перехожу къ самому нападенію. Относительно нападенія всѣ нижніе чины, какъ то: Величкинъ, Литвиновъ, Безкоровайный и Максимъ Богдановъ, единогласно удостовѣрили, что 10-го ноября кондушскіе крестьяне въ числѣ отъ 100 до 200 человѣкъ, вооруженные кольями и полѣньями, преслѣдовали Мусорова отъ дома Орестова до поста часоваго и на этомъ мѣстѣ учинили ожесточенное нападеніе и притомъ уже не только на одного Мусорова, но и на весь караулъ. При этомъ, если принять въ соображеніе, что двумъ крестьянамъ Самсонову и Тропіеву были нанесены раны въ упоръ, — что штыкъ отъ ружья Мусорова былъ весь изогнутъ,—что на другой день происшествія Капитанъ Чарковскій и фельдшеръ Терновскій видѣли на мѣстѣ происшествія массу полѣньевъ, кольевъ и камней, и, наконецъ, если припомнить прочитанный актъ медицинскаго осмотра убитаго крестьянина Якова Матвѣева, у котораго оказалась на лѣвомъ плечѣ штыковая рана, очевидно, полученная имъ при нападеніи, — то вы, Гг. Судьи, должны признать, что здѣсь была серьезная рукопашная схватка... что здѣсь было дѣйствительное ожесточенное нападеніе, угрожавшее явною опасностью не только Мусорову, но и другимъ нижнимъ чинамъ стражи. Наконецъ, я позволю себѣ возобновить въ вашей памяти прочитанный на судѣ медицинскій актъ освидѣтельствованія нижнихъ чиновъ. Изъ этого акта видно, что у Мусорова оказалось 4 поврежденія, которыя всѣ находились на передней части тѣла. Слѣдовательно онъ получилъ ихъ не въ то время, когда бѣжалъ отъ крестьянъ и былъ ими преслѣдуемъ, а когда уже добѣжалъ до поста часоваго, повернулся къ толпѣ лицомъ и сталъ отражать нападающихъ. Такіе же поврежденія въ передней части тѣла, какъ это видно изъ медицинскаго акта, оказались у часоваго Величкина и другихъ нижнихъ чиновъ; слѣдовательно вооруженное нападеніе происходило на весь караулъ. Точно также, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нападавшая толпа была въ числѣ значительно большемъ, чѣмъ число солдатъ, которые отражали нападеніе. Хотя нижніе чины и показали, что народу было отъ 100—200 человѣкъ, но, мнѣ кажется, что въ подобной свалкѣ трудно опредѣлить количество, тѣмъ болѣе, что дѣло происходило въ ноябрьскій вечеръ, когда уже было темно, и во всякомъ случаѣ у страха глаза велики. Но для примѣненія закона о необходимой оборонѣ, въ настоящемъ случаѣ, достаточно и толпы несравненно меньшей, такъ какъ 4-мъ нижнимъ чинамъ едва-ли подъ силу справиться и съ 15-ю нападающими крестьянами, вооруженными полѣньями, кольями и т. п., разумѣется, не прибѣгая къ дѣйствію огнестрѣльнаго оружія. При этомъ я прошу васъ обратить вниманіе на поврежденіе, хотя-бы, нанесенное Мусорову надъ правымъ глазомъ. Попади камень или полѣно чуть-чуть лѣвѣе или правѣе, ударъ пришелся-бы или въ самый глазъ или, въ високъ и тогда онъ могъ или лишиться глаза, или быть на мѣстѣ убитымъ, а отсюда слѣдуетъ, что его здоровью и самой жизни очевидно угрожала явная опасность. Покончивъ съ фактическою стороною дѣла мнѣ остается сказать нѣсколько словъ относительно примѣненія закона.

Прежде всего возникаетъ вопросъ, можетъ-ли быть примѣнена къ подсудимому Мусорову 2-ая часть 1455 ст. уложенія. Статья эта говоритъ: «Если убійство учинено хотя не случайно, но въ запальчивости или раздраженіи, и особенно когда раздраженіе вызвано было насильственными дѣйствіями или тяжкимъ оскорбленіемъ со стороны убитаго,

виновный, по усмотрѣнію суда, подвергается и т. д. Слѣдовательно, по самому тексту своему, статья эта требуетъ *наличности запальчивости или раздраженія*. Что же такое слѣдуетъ понимать подъ запальчивостію или раздраженіемъ? Согласно рѣшеніямъ Угол. Кас. Деп. Сен. подъ запальчивостію или раздраженіемъ слѣдуетъ разумѣть такое состояніе человѣка, когда онъ находится въ возбужденіи, вспыльчивости и т. п. и не можетъ дать себѣ сознательнаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Былъ-ли въ подобномъ состояніи Мусоровъ? Полагаю, — что нѣтъ, такъ какъ изъ дѣла видно, что Мусоровъ прежде чѣмъ стрѣлять въ нападавшую толпу, приказалъ произвести до 8-ми выстрѣловъ на воздухъ, для устрашенія толпы и, затѣмъ, отражалъ нападавшихъ штыкомъ и прикладомъ до тѣхъ поръ, пока нападеніе не достигло самаго крайняго ожесточенія. Слѣдовательно, онъ дѣйствовалъ вполнѣ обдуманно, сдержанно, сохраняя полное присутствіе духа и, разумѣется, не былъ въ состояніи запальчивости и раздраженія, а, при отсутствіи этого главнѣйшаго признака, не можетъ быть и рѣчи о примѣненіи 2 части 1455 ст. уложенія. Точно также, не можетъ быть примѣнена и статья 1467, которая говоритъ о превышеніи необходимой обороны, на томъ простомъ основаніи, что вахмистръ Мусоровъ выстрѣлилъ въ толпу лишь тогда, когда явилась крайняя необходимость отразить нападеніе, и не стрѣлялъ, когда толпа разбѣжалась. Главный Воинный Судъ, въ своемъ рѣшеніи по настоящему дѣлу, указываетъ, что оправданіе Мусорова можетъ имѣть мѣсто при наличности слѣдующихъ трехъ условій: 1) при нападеніи превосходящей силы; 2) грозившей явною опасностію жизни нижнихъ чиновъ и 3) невозможности прибѣгнуть къ защитѣ мѣстной власти. Всѣ эти условія на лицо. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что весь караулъ подвергался нападенію превосходящей силы. Свидѣтели насчитываютъ толпу до 200 человѣкъ. Но хотя бы ихъ было 20 или 30 человѣкъ, то и тогда это число, въ сравненіи съ 4-мя нижними чинами, будетъ силою все-таки превосходящею. Затѣмъ, я уже имѣлъ случай указать, что у всѣхъ нижнихъ чиновъ, бывшихъ съ Мусоровымъ, какъ это видно изъ акта медицинскаго осмотра, оказались поврежденія, откуда слѣдуетъ, что всѣмъ имъ угрожала опасность. Наконецъ, изъ представленнаго мною, во время судебнаго слѣдствія, документа вы могли убѣдиться, что въ дер. Кондушахъ все начальство заключается въ одномъ десятскомъ, который притомъ самъ былъ въ числѣ нападавшихъ. Слѣдовательно къ кому же долженъ былъ Мусоровъ обратиться и у кого онъ могъ искать защиты? Изъ самаго текста рѣшенія главнаго военнаго суда видно, что для Мусорова караулъ и составлялъ, въ данномъ случаѣ, то начальство, подъ защиту котораго онъ могъ обратиться. Такимъ образомъ, изъ рѣшенія главнаго военнаго суда слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что разъ Мусоровъ всталъ подъ защиту нижнихъ чиновъ, а нападеніе производилось и на нихъ, то здѣсь должна идти рѣчь уже не объ одномъ Мусоровѣ, а о цѣломъ карауле, подвергавшемся нападенію со стороны крестьянъ. Тутъ я считаю себя обязаннымъ указать на 375 ст. уст. таможеннаго, которая предоставляетъ право чинамъ пограничной стражи употреблять оружіе, между прочимъ, *и при личномъ нападеніи на стражу хотя бы съ однимъ намѣреніемъ причинить стражѣ побои*. Стало быть, пограничный караулъ имѣлъ неоспоримое право употребить въ данномъ случаѣ оружіе и въ этомъ самомъ смыслѣ,

главный военный судъ, въ рѣшеніи своемъ отъ 13 января 1881 года, по дѣлу объ унтеръ-офицерѣ Евсипенкѣ, уже однажды разъяснилъ 375 ст. уст. тамож., т. е. *«что унтеръ-офицеръ Евсипенко, въ виду произведеннаго на него и другихъ объѣздчиковъ нападенія, имѣлъ право употребить въ дѣло оружіе, при обнаруженіи одного только намѣренія причинить стражѣ побои, а потому произведеніе имъ въ толпу нападавшихъ выстрѣла изъ револьвера послѣ уже нанесенія ему ударовъ палкою и причиненія насилія другимъ чинамъ, не можетъ быть вмѣнено ему въ вину»*. Гг. судьи! вѣдь тоже самое было и въ настоящемъ случаѣ, и надо полагать, что главный военный судъ, конечно, имѣлъ въ виду указанное рѣшеніе, когда постановлялъ рѣшеніе по дѣлу о вахмистрѣ Мусоровѣ, тѣмъ болѣе, что рѣшеніе по дѣлу объ унтеръ-офицерѣ Евсипенкѣ, какъ состоявшееся въ распорядительномъ засѣданіи главнаго военнаго суда, было напечатано, по взаимному соглашенію министерства финансовъ и главнаго военно-суднаго управленія, въ значительномъ количествѣ экземпляровъ и распространено въ обоихъ вѣдомствахъ во избѣжаніе пререканій на будущее время относительно пониманія точнаго и дѣйствительнаго смысла 375 ст. уст. таможеннаго. И такъ, если кондушскіе крестьяне, подъ вліяніемъ подстрекательства Бачкіева учинили нападеніе на чиновъ пограничной стражи и въ особенности на вахмистра Мусорова,—если ни 8 выстрѣловъ, сдѣланныхъ на воздухъ для устрашенія толпы, ни удары прикладами не могли остановить нападенія,—если, наконецъ, нападеніе достигло крайняго ожесточенія, то неужели же, спрашиваю я васъ, гг. судьи, Мусоровъ не имѣлъ права употребить оружіе, въ силу общаго и спеціальнаго закона о необходимой оборонѣ? Вѣдь обвинять Мусорова въ убійствѣ при подобныхъ условіяхъ равносильно обвиненію его въ томъ, что онъ не допустилъ убить или изувѣчить себя — перебить или изувѣчить ввѣренную ему команду. Но вѣдь это абсурдъ... конецъ всякой теоріи.

Я остаюсь увѣреннымъ, что вы проведете границу между убійцею въ запальчивости и раздраженіи и солдатомъ, защищающимъ свою жизнь отъ разъяренной толпы, которая и нападала-то съ цѣлью отомстить стражѣ за точное исполненіе ею спеціальныхъ, служебныхъ обязанностей. Въ заключеніе, я прошу васъ припомнить, что Мусоровъ уже сидѣлъ 3 мѣсяца въ тюрьмѣ и вынесъ большія нравственныя страданія во ожиданіи второго суда. Разумѣется всего этого вернуть нельзя. Но вы, гг. судьи, вполнѣ отвѣтите требованіямъ истины и справедливости, если вынесете ему второй оправдательный приговоръ и тѣмъ самымъ скажете, что онъ дважды правъ. *Помощникъ военнаго прокурора* сдѣлалъ краткое возраженіе защитѣ, которое заключается въ слѣдующемъ. Онъ не обвиняетъ Мусорова въ томъ, что, находясь въ составѣ караула и состоя его начальникомъ, онъ убилъ двухъ крестьянъ, а въ томъ, что выйдя изъ караула, онъ прошелъ черезъ дорогу и выстрѣлилъ въ толпу, которая находилась отъ него въ разстояніи 18-ти шаговъ, и что выстрѣлъ былъ произведенъ отъ дома Пименова. На этомъ основаніи, по мнѣнію г. прокурора, къ данному дѣлу совершенно непримѣнимо рѣшеніе главнаго военнаго суда. Дѣло это разсматривается теперь по существу, а рѣшеніе главнаго военнаго суда установляетъ только признаки, необходимые для примѣненія самообороны. Обвинитель устраняетъ заявленіе о спеціальности финансоваго вѣдомства и полагаетъ, что нужны точныя основанія закона для примѣненія необходимой обороны; если

человѣкъ находится въ трудномъ положеніи, то тѣмъ болѣе онъ долженъ имѣть такта. Ст. 375 имѣетъ спеціальное назначеніе, и въ ней говорится о сходбищахъ или переходѣ чрезъ границу, т. е. когда является скопленіе народа съ цѣлью провоза контрабанды. Въ данномъ случаѣ этого обстоятельства не было, потому что сборище было по причинѣ свадьбы. Главное положеніе обвиненія заключается въ томъ, что убійство совершено въ то время, когда опасность миновала и Мусоровъ, отдѣлившись отъ караула, произвелъ выстрѣлъ. Наконецъ, г. прокуроръ указалъ на то, что онъ основывается не на тѣхъ показаніяхъ, о которыхъ говоритъ защита, а на показаніяхъ свидѣтелей, вызванныхъ ею. Что касается цвѣта одежды, въ которой былъ Мусоровъ, то г. прокуроръ не придаетъ этому обстоятельству значенія, такъ какъ въ темнотѣ, ночью, трудно было и различить цвѣтъ.

Г. защитникъ возразилъ г. прокурору, что всѣ вновь приведенныя соображенія нисколько не колеблютъ тѣхъ данныхъ, которыя онъ изложилъ въ своей первой рѣчи.

Предс. Подсудимый, что имѣешь сказать?

Подс. Мусоровъ. Я, ваше превосходительство, отданъ былъ подъ судъ за то, что употребилъ оружіе, а если перебили бы нашихъ солдатъ, да попортили казенное имущество на кордонѣ, то начальство отдало бы меня тоже подъ судъ, и я все равно былъ бы несчастнымъ.

Судъ удалился для совѣщанія и по прошествіи двухъ часовъ вынесъ подсудимому *оправдательный приговоръ*, признавъ, что онъ совершилъ означенныя дѣянія, находясь вмѣстѣ съ карауломъ въ состояніи необходимой обороны.

2007097001